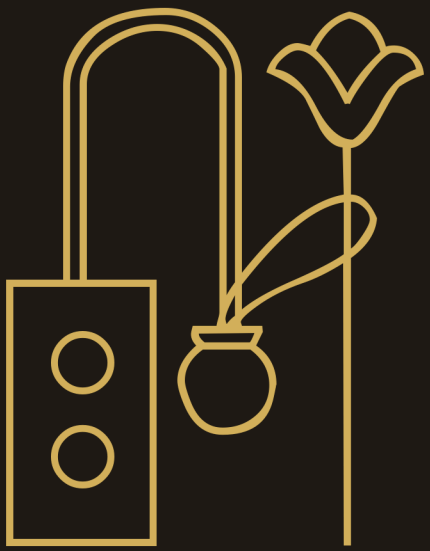
ФРЭНСИС ЛЛЕВЕЛЛИН ГРИФФИТ

СКАЗАНИЯ

О ВЕРХОВНЫХ ЖРЕЦАХ МЕМФИСА

ФРЭНСИС ЛЛЕВЕЛЛИН ГРИФФИТ

СКАЗАНИЯ О ВЕРХОВНЫХ ЖРЕЦАХ МЕМФИСА

Сетон Геродота и демотические сказания о Хамуасе

Об этой книге

Фрэнсис Ллевеллин Гриффит — английский египтолог, лучший знаток демотического письма своего времени. В этой книге он перевел и объяснил два древнеегипетских сказания о Хамуасе — сыне Рамсеса II, верховном жреце Птаха в Мемфисе, искателе древних волшебных книг.

В первом сказании Хамуас добывает из гробницы мага Неферкаптаха Книгу Тота и дорого платит за это; во втором его сын Си-Осири показывает отцу загробный мир и побеждает в состязании эфиопского чародея. Гриффит предваряет их рассказом о Сетоне Геродота и о том, как предания о жрецах Мемфиса дошли до греков.

Содержание

Предисловие 5
Глава I. Сказание о Сетоне 8
Глава II. Сказание о Хамуасе и Неферкаптахе 21
Глава III. Сказание о Хамуасе и его сыне Си-Осири 53

ПРЕДИСЛОВИЕ

✦

Издавая эти демотические сказания, я старался хотя бы на шаг продвинуть ту немаловажную ветвь египтологии, среди главных основателей которой был англичанин Томас Юнг, но которой со времен Юнга в нашей стране совершенно пренебрегали. Дешифровка демотики, начатая знаменитым письмом Окерблада к де Саси в 1802 году и продолженная Юнгом и Шампольоном в 1820–1830 годах, с наибольшим успехом развивалась Генрихом Бругшем в первую половину его блестящего поприща, с 1847 по 1868 год, когда он завершил свой словарь иероглифического и демотического языка. Он одолел это трудное письмо так полно, что его преемникам остается лишь совершенствовать его труд, по крайней мере для поздних эпох. Бругш долгое время был, по сути, единственным, кто читал демотику, когда за этот предмет взялся Ревийю, изучавший коптский язык. Своими многочисленными трудами Ревийю, бесспорно, пролил свет на толкование юридических документов — часть которых относится к раннему периоду, — и на метрологию. Однако демотика — предмет, который прежде всего требует тщательности и точности, если исследователь хочет добиться удовлетворительных результатов. Недавние работы В. Макса Мюллера (начатые в 1886 году, но, к сожалению, так и не вышедшие за пределы блестящих разборов отдельных слов и групп знаков), Кралля, Гесса и Шпигельберга сулят этой науке доброе будущее, и несомненно, что она будет быстро продвигаться вперед, по мере того как выводы коптских и

иероглифических исследований станут научно прилагаться к этой промежуточной ступени египетского языка.

Несмотря на все, что уже сделано в демотике, многое еще предстоит делать почти как первопроходцам, и многое из того, что было предположено или оспорено, должно быть либо утверждено, либо опровергнуто положительными доказательствами. Это главное оправдание обширности филологических примечаний во второй части, хотя многие из них вызваны главным образом плохим почерком или плохой сохранностью второго сказания.

Да будет мне позволено выразить здесь глубокую признательность руководству отдела рукописей Британского музея за разрешение издать демотический текст второго сказания и Делегатам издательства Кларендон-Пресс за то, что они взяли на себя немалые расходы по печатанию этой книги. Особая моя благодарность также преподобному Э. М. Уокеру из Куинз-колледжа за поддержку и советы; ректору Куинз-колледжа в Оксфорде, представившему и поддержавшему мое прошение перед Делегатами Кларендон-Пресс; г-ну Кэннану, секретарю Делегатов; г-ну Хорасу Харту, управляющему издательством; и, наконец, последнему по счету, но не по значению, г-ну Ф. Г. Кеньону из Британского музея, благодаря любезности которого я одним из первых увидел недавно развернутый «Папирус DCIV» и получил все возможности для его изучения. Сведения, сообщенные им об истории папируса и о греческом тексте на его лицевой стороне, читатель найдет далее в книге.

Подготовлен и словарь обоих демотических сказаний; его предполагается издать позднее, когда работа сможет воспользоваться критикой собратьев по науке. Фотографическое факсимиле и рукописная копия нового сказания прилагаются к

этому изданию. Первое сказание давно доступно в хорошем факсимиле, но по моей просьбе Эмиль Бругш-бей, брат великого демотиста, сделал негативы с подлинного папируса в Гизехском музее; теперь они хранятся у г-на Р. К. Мюррея (Лондон, Ковент-Гарден, Гаррик-стрит, 8), к которому и следует обращаться за отпечатками.

Этот том не должен уйти в печать без слова о том, сколь многим он обязан великому труду профессора Зете о египетском глаголе, вышедшему прошлой осенью, как раз когда я был занят окончательной обработкой материалов для книги. Мастерским историческим разбором глагольных форм в иероглифическом и коптском языке Зете дал возможность начать здесь, по намеченным им путям, классификацию тех замечательных форм, которые глагол принимает в демотике.

Май 1900 года.

ГЛАВА I. СКАЗАНИЕ О СЕТОНЕ

✦

§ 1. Вступление: сказания в позднем Египте. § 2. Хамуас в истории. § 3. Хамуас в предании. § 4. Его титул сем — Сатни, верховный жрец Птаха. § 5. Сказание о Сетоне. § 6. Исторические черты. § 7. Имя Сетос или Зет? § 8. Или титул Сетон — Сатни? § 9. Попытка установить, кто был царь-жрец. § 10. Чужеземные элементы в сказании.

§ 1. Здесь не место входить в общий вопрос о египетских сказаниях, которых демотика ныне начинает давать богатое разнообразие, относящееся к греко-римской эпохе. Но мы должны отметить такой факт: тогда как от Среднего и Нового царства в иератике сохранилось немалое число сказаний, между концом Нового царства и серединой птолемеевского правления (около 1200–150 гг. до н. э.) лежат десять столетий, в течение которых этот род словесности совершенно не представлен местными документами. Однако из двух внешних источников мы узнаем, что искусство рассказчика отнюдь не было в забвении, хотя, по-видимому, египетские писцы нечасто записывали его сказания. Библейская повесть об Иосифе, насыщенная египетскими представлениями и отмеченная египетскими именами поздней поры, вполне может быть плодом общения евреев с египтянами после 1000 г. до н. э.[1]; а Геродот собрал в своей истории множество образных преданий, ходивших в Египте V века. Насколько сказания Геродота подлинно египетские, сейчас сказать трудно. Часто в них заметна сильная греческая окраска, тогда как

демотические сказания греко-римской эпохи вполне египетские по духу и несут мало явных следов внешнего влияния.

[1] Даты, которые библейская критика приписывает различным частям этой повести, простираются от середины IX века до конца VI века. Одно из египетских имен (Асенефа) указывает на время не ранее конца IX века. Остальные могли бы быть несколько старше, но в целом создается впечатление, что эти подробности принадлежат скорее эпохе саисских царей, начавшейся лишь около 680 года.

§ 2. Два из этих сказаний — позднее Геродота на несколько столетий — повествуют о знаменитом верховном жреце Птаха, жившем около 1250 г. до н. э. Его имя Ха-м-уас (*Ḥꜥ-m-Wꜣs·t*)[2], означающее «явление в Фивах», указывает, что он родился в южной столице; но жил и умер он мемфисцем. Он стоял во главе всего жречества своего времени и был самым замечательным из бесчисленного потомства великого царя Рамсеса II. Из современных ему документов мы узнаем, что его матерью была царица Исит-неферт. В юности он, по-видимому, участвовал в войнах, но засвидетельствованные его деяния носят главным образом жреческий характер, и с тридцатого года Рамсеса он занимает видное место в праздновании общегосударственных торжеств. По-видимому, Хамуас умер на пятьдесят пятом году долгого, шестидесятисемилетнего царствования своего отца; иначе он, быть может, наследовал бы царство, которое в конце концов досталось Мернептаху, тринадцатому сыну Рамсеса. Его гробница находится близ Великой пирамиды[3].

[2] Как указал Масперо (*Ä. Z.*, 1877, с. 143, прим. 41), Χαμοΐς, встречающееся в малодостоверном списке царей у Синкелла (изд. Диндорфа, с. 179), — вероятно, греческая форма его имени.

[3] Об историческом Хамуасе см. Масперо, *Hist.*, II, с. 424–426, и указанную там литературу.

§ 3. В демотических сказаниях Хамуас выведен не в слишком героическом свете: они повествуют о его злоключениях и, кажется, скорее подсмеиваются над его ученостью, которая так мало помогала ему против богов или даже против мудрецов и магов прежних, лучших времен. Его неутомимым изысканиям приписывается обретение некоторых поздних погребальных текстов[4]. Они озаглавлены так: «Писания сосуда, который Хамуас, старший сын царя, нашел под (или у?) головой божественного (мумии) на западе Мемфиса: он был божественнее любого сосуда в сокровищнице. Он становится как бы вратами пламени между божественными (*yʾḥ·w*), что (?) мертвы (*mt·w*), и тем, что нападает на них: он превосходен весьма, миллион раз». О первом из них сказано далее, что прежде его нашел или составил для собственной защиты старший царский писец Аменхотеп, сын Хапу[5], знаменитый фиванский жрец времен Аменхотепа III. Таким образом, предполагаемая история этого заклинания не так уж непохожа на историю книги, которую Хамуас нашел в гробнице ученого писца Неферкаптаха[6].

[4] Плейт, *Chapitres supplémentaires du Livre des Morts*, гл. 167–174; см. особенно табл. 126–127.

[5] Ἀμένωφις τοῦ Παάπιος у Иосифа Флавия, обожествленный в Фивах в птолемеевское время: см. Зете в *Ebers' Aegyptiaca*, с. 106 и далее, и надписи-граффити, изданные Пирсом, *Hellenic Journal*, 1899, 16.

[6] См. ниже, в главе II (первое сказание, IV, 26).

§ 4. Титул, который на памятниках чаще всего предшествует имени Хамуаса, — *sm*[7]. Это жреческий титул, принадлежащий, правда, не одному лишь верховному жрецу Мемфиса, но постоянно носимый им и закрепленный за его должностью в птолемеевском перечне египетских жречеств в Эдфу[8], где

верховный жрец Птаха носит двойной титул *sm, wr ḫrp ḥmww* — «сем и начальник мастеров (?)». «Сем Птаха» — более полная форма этого титула[9]. Хамуас, несомненно, был *wr ḫrp ḥmww*[10], как и сем, и, например, руководил погребением быка Аписа, посвященного тому же богу. Поэтому его титул *sm*, без сомнения, следует понимать в его особом значении, то есть как «верховный жрец Птаха в Мемфисе».

[7] Например, BR., *Thes.*, 957–959.

[8] BR., *Dict. Géog.*, с. 1368.

[9] Стела Пианхи, стр. 20.

[10] BR., *Thes.*, 957.

В демотических сказаниях Хамуас именуется «*Stne* (во втором сказании *Stme*) *Ḫʿ-m-ws*, сын фараона *Wsr-mʾʿ-rʿ*»[11], причем последнее имя соответствует иероглифическому *Wsr-mʾʿ·t-Rʿ*, краткой форме тронного имени Рамсеса II[12]. В Новом царстве и позднее титул *sm* часто пишется *stm*, и хотя в иероглифике нередко держались древнего написания, демотические билингвы птолемеевского времени дают форму *stm*, *stm·t*[13]. Таким образом, *stne*[14] или *stme Ḫʿ-m-ws* сказаний, по-видимому, в точности соответствует *sm Ḫʿ-m-wʾs·t* надписей его собственного времени[15].

[11] Первое сказание, V, 4, 7; ср. второе сказание, II, 28 и 33.

[12] По-видимому, Οὐσιμάρης в царском списке Синкелла (изд. Диндорфа, с. 189). Это тот же список, который в предыдущей группе царей дает Χαμοΐς.

[13] BR., *Wtb.*, 1221; *Thes.*, 890, 906, 912, 915. Переход от *sm* к *stm* был, вероятно, поначалу чисто графическим; ср. древнеегипетское *sm* «трава», которое в рамессидской иератике пишется *stymu*, а в демотике *sm*, *sym*, по-коптски сім. В случае с титулом рамессидское написание *stm* вместо *sm* могло породить новое произношение *stm*, *stne* (чему, быть может, способствовал титул *sʾ-stny* «царский сын», сопровождавший его у Хамуаса).

[14] В птолемеевское время встречаются личные имена, составленные с *Stne*, а именно *P³-šre(n) Stne* и *T³-šre·t(n) Stne* в *Pap. Berl.* Ax. 2 (BR., *Samml. dem.-Gr. Eigennamen*, c. 21, 23). Когда-нибудь они, возможно, найдутся и в греческой записи, например как *Ψενσεθῶν и *Σενσεθῶν. Заметим, что здесь, как и в сказании, мы имеем форму *stne*, тогда как жреческий титул в то же время всегда *smt* или *stm(t)*. Ясно, что ряд *sm* = *stm(t)* = *stne* = (позднее) *stme* не отражает обычного развития (см. вторую часть книги). Я предположил бы, что *Stne* было *народной* формой титула *sm* или *stm·t* — той формой, в которой он встречался в сказаниях, а оттуда перешел и в личные имена. Конечное *t* в *stm·t* может обозначать гласный исход, так что слово, вероятно, произносилось так же, как *stme*. Переход раннего *m* в *n* нередок в коптском, а форма *stme* в позднем сказании может указывать на попытку вернуться к классическому произношению.

[15] L., *D.*, III, 174 e, 175 h и др.

Следует также отметить, что в сказаниях, когда о Хамуасе говорится короче, его называют одним этим титулом — «*Stne*», «*Stme*», без определенного артикля, — и ни разу по имени. Поэтому, если только поздние писцы не приняли по ошибке «*Stne*» за собственное имя, мы должны заключить, что этот титул верховного жреца служил нарицательным обозначением его носителя, подобно тому как «фараон» служило обозначением царя[16].

[16] В древнейшем египетском языке артикля не было, и хотя около 1500 г. до н. э. он был уже в общем употреблении, древние титулы «фараон» и «*Stme*», подобно многим другим религиозным и обрядовым терминам, по-видимому, почти до конца оставались *artikellos*, без артикля. Однако еще до коптского времени начальную букву слова *Pr-ʿo* «фараон» стали ошибочно принимать за определенный артикль *p* и соответственно изменять — с женским *t*, с множественным *n*, — так что слово «фараон» сократилось до рро.

§ 5. Обратимся теперь к греческому свидетельству. Геродот, чьи странствия по Египту относятся к царствованию Артаксеркса, около 460 г. до н. э., среди сведений о царях Египта, полученных им от местных жителей, передает чудесную историю о фараоне,

который был также жрецом Гефеста, то есть верховным жрецом Птаха в Мемфисе:

> Μετὰ δὲ τοῦτον (sc. ἔλεγον) βασιλεῦσαι τὸν ἱρέα τοῦ Ἡφαίστου, τῷ οὔνομα εἶναι Σεθῶν, τὸν ἐν ἀλογίῃσι ἔχειν παραχρησάμενον τῶν μαχίμων Αἰγυπτίων ὡς οὐδὲν δεησόμενον αὐτῶν, ἄλλα τε δὴ ἄτιμα ποιεῦντα ἐς αὐτούς, καί σφεας ἀπελέσθαι τὰς ἀρούρας, τοῖσι ἐπὶ τῶν προτέρων βασιλέων δεδόσθαι ἑξαιρέτους ἐκάστῳ δυώδεκα ἀρούρας. μετὰ δὲ ἐπ᾽ Αἴγυπτον ἐλαύνειν στρατὸν μέγαν Σαναχάριβον βασιλέα Ἀραβίων τε καὶ Ἀσσυρίων· οὔκων δὴ ἐθέλειν τοὺς μαχίμους τῶν Αἰγυπτίων βοηθέειν· τὸν δὲ ἱρέα ἐς ἀπορίην ἀπειλημένον ἐσελθόντα ἐς τὸ μέγαρον πρὸς τῷγαλμα ἀποδύρεσθαι, οἷα κινδυνεύει παθεῖν· ὀλοφυρόμενον δ᾽ ἄρα μιν ἐπελθεῖν ὕπνον, καί οἱ δόξαι ἐν τῇ ὄψι ἐπιστάντα τὸν θεὸν θαρσύνειν, ὡς οὐδὲν πείσεται ἄχαρι ἀντιάζων τὸν Ἀραβίων στρατόν· αὐτὸς γάρ οἱ πέμψειν τιμωρούς. τούτοισι δή μιν πίσυνον τοῖσι ἐνυπνίοισι, παραλαβόντα Αἰγυπτίων τοὺς βουλομένους οἱ ἔπεσθαι στρατοπεδεύσασθαι ἐν Πηλουσίῳ (ταύτῃ γάρ εἰσι αἱ ἐσβολαί)· ἔπεσθαι δέ οἱ τῶν μαχίμων μὲν οὐδένα ἀνδρῶν, καπήλους δὲ καὶ χειρώνακτας καὶ ἀγοραίους ἀνθρώπους. ἐνθαῦτα ἀπικομένους, τοῖσι ἐναντίοισι αὐτοῖσι ἐπιχυθέντας νυκτὸς μῦς ἀρουραίους κατὰ μὲν φαγεῖν τοὺς φαρετρεῶνας αὐτῶν, κατὰ δὲ τὰ τόξα, πρὸς δὲ τῶν ἀσπίδων τὰ ὄχανα, ὥστε τῇ ὑστεραίῃ φευγόντων σφέων γυμνῶν ὅπλων πεσεῖν πολλούς. καὶ νῦν οὗτος ὁ βασιλεὺς ἕστηκε ἐν τῷ ἱρῷ τοῦ Ἡφαίστου λίθινος, ἔχων ἐπὶ τῆς χειρὸς μῦν, λέγων διὰ γραμμάτων τάδε· ἐς ἐμέ τις ὀρέων εὐσεβὴς ἔστω[17].

[17] Видеман, *Herodots Zweites Buch*, гл. CXLI.

> «После него (то есть после Анисиса, говорили мне) царствовал жрец Гефеста по имени Сетон (?). Он пренебрегал египетскими воинами и ни во что их не ставил, полагая, что не будет в них нуждаться. Он всячески бесчестил их и, в частности, отнял у них земельные наделы, а при прежних царях каждому из них было дано по двенадцать арур[18] отборной земли. Но потом Санахариб, царь

арабов и ассирийцев, повел на Египет великое войско. И воины египетские не захотели помогать, а жрец, доведенный до крайности, вошел в храм и стал оплакивать перед изваянием беду, что нависла над ним. И пока он сетовал, на него сошел сон, и привиделось ему, будто бог встал над ним и велит ему ободриться: никакой беды он не потерпит, выступив против войска арабов, ибо бог сам пошлет ему помощников. И, полагаясь на этот сон, он собрал тех египтян, кто пожелал за ним следовать, и стал лагерем у Пелусия, ибо этим путем лежит вход в Египет. И ни один из воинов не пошел за ним, но (только) торговцы, ремесленники и рыночный люд. И когда они пришли туда, полевые мыши нахлынули в лагерь самих их противников и изгрызли у них все колчаны, все луки, да еще и ременные рукояти щитов, так что на другой день те бежали безоружными и многие из них пали. И ныне этот царь стоит в святилище Гефеста, каменный, держа на руке мышь, и говорит надписью так: „Всякий, взирающий на меня, (учись) быть благочестивым!“»

[18] Двенадцать арур — это восемь или девять акров.

Это последний эпизод «Древней истории Египта» у Геродота — той части, что касается времен до додекархии и прихода греков. Материалы для этой части своего труда он, по его словам, почерпнул из рассказов египтян и особенно жрецов[19], и по бесчисленным подробностям видно, что главными его осведомителями были мемфисские жрецы или проводники. Приведенный выше рассказ явно мемфисский; рассмотрим же его подробно.

[19] Гл. XCIX, CXLII.

§ 6. Имя Синаххериба (705–680 гг. до н. э.) достаточно хорошо согласуется с тем периодом египетской истории, к которому Геродот относит события рассказа, а именно с временем после

эфиопского завоевания при Сабаконе (XXV династия) и до возвышения Псамметиха (663 г. до н. э.). В этот промежуток Египет раз за разом подвергался вторжениям из Ассирии — при Асархаддоне (680–669 гг. до н. э.) и при Ашшурбанапале (668–625 гг. до н. э.). Синаххериб, по-видимому, не потерпел серьезного поражения в своем большом сирийском и палестинском походе 701 г. до н. э.; но рассказ Геродота так поразительно похож на библейское повествование о беде, постигшей войско Синаххериба в царствование царя Езекии[20], что трудно усомниться в общем происхождении обоих рассказов. В Библии Тахарка — «Тиргак, царь Ефиопский», завоеватель Египта, — выступает как готовящийся напасть на Синаххериба[21]. Тахарка был противником Асархаддона и Ашшурбанапала. Время его в точности неизвестно: едва ли, однако, он мог начать царствовать раньше 686 г. до н. э., хотя мог командовать войском и до этого.

[20] 4 Цар. 19.

[21] Там же, ст. 9.

§ 7. Кто же тогда был Σεθῶν, верховный жрец Гефеста и царь Египта? На первый взгляд его имя кажется винительным падежом от Σεθῶς, а Σέθως соответствует египетскому имени *Sety* (Сети), которое дважды встречается среди царей XIX династии[22], но позднее неизвестно. Имя, составленное с именем бога *Set* (Сета), вряд ли могло встретиться в XXV династии, в то время, когда пылкое почитание Осириса быстро брало верх и имя Сета, вероятно, стирали с памятников. Африкан называет царя Ζήτ в конце XXIII династии; его, может быть, ввели в список, чтобы представить прообраз предполагаемого Σεθῶς. Если Ζήτ действительно существовал, он, вероятно, был египетским современником эфиопских завоевателей, как и некоторые другие

цари XXIII династии. Едва ли нужно говорить, что в рассказе Геродота можно искать лишь слабое соответствие фактам; а более темные имена царей у Африкана во многих случаях, вероятно, взяты из народных сказаний, так что само появление в его списке царя Ζήτ еще не ручается, что такое лицо когда-либо существовало.

[22] Каждый из этих Сети звался также Мернептах, «возлюбленный Птахом», то есть Гефестом. Первый из них успешно воевал в Сирии, и с ним до сих пор обычно отождествляли «Сетоса (?), жреца Гефеста».

§ 8. Но имя Σεθῶν можно читать и как несклоняемое, и таким его считает Видеман в своем превосходном комментарии[23]. Кралль отважился отождествить Σεθῶν с Сатни демотического сказания, издаваемого здесь как первое сказание о Хамуасе[24]. Доводов в пользу этого отождествления он пока не привел, но, очевидно, держится его и называет теперь это сказание «Сказанием о Сетоне». Форма *stme*, которую дает новое сказание, убедительно говорит за то, что *stne* — это жреческий титул *stm*, и отчасти подтверждает блестящую догадку Кралля. Огласовка слов в демотике не передается: она способна передать немногим больше, чем их согласный остов. ⲥⲧⲱⲛ встречается как имя декана в полугреческом, полуегипетском гороскопе[25]. Σεθῶν может стоять вместо *ⲥⲑⲱⲛ, северной формы ⲥⲧⲱⲛ, и *Stne* вполне может быть его демотическим написанием, подобно *tne* для ⲧⲱⲛ : ⲑⲱⲛ «куда?».

[23] *Herodots Zweites Buch*, с. 501.

[24] Примечание к с. 1 работы *Ein neuer historischer Roman* в *Mitth. aus den Sammlungen der Papyrus Erzherzog Rainer*, Bd. VI.

[25] *Greek Pap. in the Brit. Mus.* I, табл. 73, стб. III, стр. 11; ср. вторую часть книги.

Поэтому фразу τὸν ἱρέα τοῦ Ἡφαίστου и т. д., быть может, следует передать так: «того жреца Гефеста, которого звали Сетон»; или же

можно предположить, что Геродот не записал имени царя-жреца и сбивчиво обозначил его одним лишь титулом, введенный в заблуждение тем, что титул употреблялся как нарицательное имя. В непосредственно предшествующем разделе (гл. CXXXVII) он, вероятно, допустил ошибку сходного, хотя и менее простительного рода, дав имя Анисис царю, родиной которого, по его словам, был Анисис, тогда как, судя по всему, под этим неверным именем он говорит о Бокхорисе. А в гл. CXI можно найти точную параллель. Здесь Φερών дано как имя царя, а Φερών может быть только словом «фараон», *Pr-ʿo*, περο, — тем нарицательным титулом, которым к царю обращались и которым его называли в подлиннике сказания, пересказанного Геродотом.

§ 9. Итак, если, как кажется вероятным, «Сетон» — не что иное, как «Сатни», народная форма[26] титула верховного жреца, то какого царя имел в виду под этим именем Геродот? Может показаться бесполезным пытаться установить, кто герой подобного сказания, но присутствие в нем исторического имени Синаххериба и сходство рассказа с библейским повествованием побуждают сделать такую попытку.

---

[26] См. выше, § 4.

Ни один египетский царь, кроме Эйе в XVIII династии и необычных царей-жрецов Фив, современных XXI династии, насколько известно, не выставлял напоказ жреческого титула. Однако номарх обычно был верховным жрецом в главном городе своего нома; Тефнахт, вождь, сумевший объединить большую часть правителей Нижнего Египта против Пианхи, принял титулы жреца Нейт в Саисе и сема Птаха в Мемфисе[27]. И если Тахарка, в угоду жителям Мемфиса, пожелал исполнять обязанности верховного жреца Птаха, то местное предание могло прославлять

его в этом качестве как «Сетона», вспоминая победу или успех, одержанный им над ассирийцами. Цари эфиопской династии проявляли себя чрезвычайно ревностными почитателями Амона, бога их собственной столицы и царства, а также Фив, столицы Верхнего Египта, которые они поначалу считали своей главной египетской резиденцией. Но поздние цари династии осознали значение Нижнего Египта как источника богатства и как преграды против враждебных сил, постоянно грозивших с северо-востока. Первый эфиопский завоеватель, Пианхи, приписывает весь успех в войне Амону. Тахарка же мог воздвигнуть в Мемфисе памятник, в котором подобным образом превозносил божественную мощь Птаха, и при этом все же обидеть египетских воинов, полагаясь на крепких воинов Судана[28].

[27] Стела Пианхи, стр. 20.

[28] Кралль полагал, что в Σεθῶν можно увидеть искаженное воспоминание о сыне-жреце Рамсеса II, герое египетских сказаний. Такие черты, как пренебрежение воинами и вера в бога, пожалуй, могли иметь такое происхождение.

Привлекательным видоизменением этой гипотезы, согласным с хронологией и почти со всеми данными из всех источников, было бы отнести событие ко времени до восшествия Тахарки на престол, предположив, что он был тогда правителем Нижнего Египта и верховным жрецом Птаха и что как правитель он готовился к обороне от грозившего нападения Синаххериба. Пока Тахарка еще стоял близ Пелусия, ассирийское войско на границах Палестины могло постигнуть какое-то неожиданное бедствие, остановившее его поход на Египет.

Весьма вероятно, что прежние египетские цари жаловали своим воинам землю, и вовсе не исключено, что в XXV династии эти пожалования были отменены или изменены, быть может, в

пользу эфиопских или чужеземных наемников; но в действительности об этом мы ничего не знаем.

§ 10. Некоторые черты рассказа вполне египетские, другие же чужеземные. Молитве богу и сновидению в храме есть точная параллель во втором сказании о Хамуасе[29], а мысль о божественном повелении или руководстве, которое бог дает сам, говоря во сне, встречается уже во дни Тутмоса IV, который повествует, что именно так был побужден очистить большого Сфинкса от заносивших его песков[30].

[29] См. ниже, в главе III.

[30] L., *D.*, III, 68.

Эпизод спасения с помощью мышей, может быть, был навеян греческим мифом об Аполлоне Сминфее. Землеройка, равно как и крупный ихневмон и другие сходные с виду животные, была в Египте священной у того или иного бога, хотя, по-видимому, ни одно из них не было посвящено Птаху. Поэтому человек, держащий мышь, — сюжет в египетской священной иконографии мыслимый, хотя привести параллельный пример трудно. Правда, на рельефе на стенах храма в Кумме в Нубии Тутмос III изображен танцующим или бегущим вперед с хохлатым ибисом в руках, которого он несет в дар Хатхор[31]; но это часть сцены, а не статуя и не отдельная фигура. Однако наименее египетская часть рассказа — последняя фраза. Форма надписи (ἐς ἐμέ) и выведенная мораль — греческие и вовсе не египетские. Ни одна египетская статуя не «говорит посредством письмен» так прямо, как заставляли говорить свои создания древнегреческие ваятели. Тем не менее слова, будто бы вырезанные на статуе, вполне могут передавать суть части какой-нибудь египетской надписи.

[31] L., *D.*, III, 57 b.

Сказание о Сетоне, есть ли у него историческая основа или нет, сходно с повествованием о гибели ассирийского войска в Книге Царств и потому вполне может быть объяснено как плод общения евреев с Египтом при Саисской династии, окончательно оформленный пером Геродота, после того как оно прошло через уста греческих толмачей. К сожалению, пока нельзя с уверенностью решить, передает ли Σεθῶν имя Сети Мернептаха — то есть «Сети, возлюбленного Гефестом», — или это мемфисский жреческий титул какого-то более позднего царя; но второе из этих предположений представляется гораздо более вероятным.

ГЛАВА II. СКАЗАНИЕ О ХАМУАСЕ И НЕФЕРКАПТАХЕ

✦

Перевод сказания о Сатни-Хамуасе, сделанный Бругшем в 1865–1867 годах, был одним из величайших успехов этого блестящего и трудолюбивого египтолога: он показал, до какой поразительной степени совершенства почти в одиночку довел дешифровку темного демотического письма, и в то же время доказал миру, что это письмо хранит словесность более живую, чем юридические документы и религиозные тексты, которые до того времени только и признавались в нем. Много лет первое прочтение Бругша почти не удавалось улучшить, хотя путь к лучшему пониманию демотики подготавливался общими успехами, сделанными за это время египтологией, а переводы и замечания Масперо и Ревийю содержали некоторые полезные предложения. В 1888 году вышло издание Гесса, весьма многообещающего ученика Бругша[32]. Это издание содержало комментарий и словарь и во многом продвинулось дальше первоначального перевода. Впервые же текст был тогда по-настоящему издан, хотя задолго до того его опубликовали в превосходном факсимиле, подготовленном Эмилем Бругшем. Это факсимиле мелкого и сложного письма так хорошо — хотя порой несколько неясно, — что, тщательно сверяя его несколько лет назад с копией Гесса для собственного перевода, я ни разу не уличил его в ошибке: малейшие следы знаков оказывались переданы в согласии с истинным смыслом даже там, где папирус был сильно стерт и поврежден, а смысл прежде понимали неверно[33].

[32] Вплоть до своей последней болезни в 1893 году Бругш время от времени писал о демотике и читал о ней лекции.

[33] Копия текста, сделанная Ревийю, слишком неточна, чтобы ею можно было пользоваться.

Рукопись, как говорят, была найдена в Фивах. Внешних свидетельств о ее возрасте нет, ибо дата по годам царствования в конце мало что дает: очень многие Птолемеи и римские императоры царствовали пятнадцать лет и более. Свидетельствам египетской палеографии и языка до сих пор уделялось мало внимания, и нынешний издатель, вероятно, еще меньше своих предшественников вправе пытаться дать решительную датировку. Разумеется, невозможно отнести рукопись ко времени до начала птолемеевской эпохи или после IV века н. э. В демотике птолемеевской эпохи предлог *r* постоянно опускается, а в этой рукописи он опущен только перед суффиксом первого лица, как в более поздних текстах. Полное и вместе свободное правописание и характер письма, по-видимому, ясно указывают на период, охватывающий последнее столетие птолемеевского владычества и первое столетие Римской империи.

Текст второго сказания, который, вероятно, следует датировать временем несколько позже середины I века н. э., имеет совсем иной, огрубевший вид. Но это может объясняться местными и личными особенностями, ибо граффити и надписи на остраконах II века, даже времени Антонинов, написаны гораздо более чистым письмом.

Первое сказание о Хамуасе замечательно со всех точек зрения. Это одно из прекраснейших произведений вымысла, завещанных нам Египтом; оно принадлежит лучшему периоду демотического письма, когда письмо было одновременно полным и

выразительным и при этом свободным от искажений и излишеств, а сохранившийся список содержит очень мало ошибок[34]. Почерк мелкий, но удивительно ровный, а правописание правильное. В целом текст следует признать исключительно хорошим.

[34] Две несомненные ошибки — это странная перестановка, переворачивающая смысл на протяжении длинного места в III, 17–19, и вполне простительный пропуск нескольких слов в конце VI, 12. Кроме них, есть несколько мелочей, по меньшей мере подозрительных.

Заглавие сказания фактически содержится в колофоне: «Полное писание это, повествующее о Сатни-Хамуасе и о Неферкаптахе, и Ахуре, его жене, и Мерибе, ее сыне». Нумерация страниц — весьма необычная черта для египетских рукописей[35]. Первые две страницы утрачены, а третья повреждена в начале каждой строки. К счастью, остальное почти в безупречном состоянии, так как начало папируса было оторвано чисто. Там, где он теперь начинается, на третьей из больших и плотно исписанных страниц, мы застаем Хамуаса в гробнице некоего Неферкаптаха, единственного сына древнего фараона. Об этом царевиче рассказывается, что он взял в жены свою единственную сестру и погиб злой смертью вместе с женой и ребенком, угасив тем надежду царя, что ему наследуют собственные потомки. Призраки Неферкаптаха, его сестры и жены Ахуре и их ребенка Мериба пребывают в гробнице, и в начале нашего текста Ахуре рассказывает Хамуасу историю этого несчастья. Все их беды она приписывает решимости Неферкаптаха завладеть некой книгой магии, которую Хамуас теперь жаждет у него отнять. С этой нитью в руках общий ход утраченной части сказания можно восстановить уверенно. Нужно, однако, помнить, что утраченное

превышало половину сохранившегося и, должно быть, содержало эпизоды немалой длины, ныне безвозвратно потерянные.

[35] Единственный другой известный издателю пример — знаменитый папирус Эберса, медицинское сочинение, написанное при XVIII династии.

Главное в начале сказания, может быть, сводилось к следующему. Сатни-Хамуас, сын фараона Усермаатра, усердный искатель божественных и древних писаний, узнал о существовании книги, которую Тот, бог письмен, науки и магии, «написал своей рукой», и узнал, что эта книга находится на кладбище Мемфиса, в гробнице Неферкаптаха, сына фараона, которого, по-видимому, звали Мернеб-Птах. Сумев отыскать гробницу и проникнуть в нее вместе со своим братом Анхерру, он находит там призраков ее хозяина, его жены и ребенка, а подле них — желанную книгу. Но они отказываются отдать ее. Книга принадлежала им, ибо они «заплатили за нее своей земной жизнью», и ее магическая сила сослужила им добрую службу даже в гробнице. Чтобы отговорить Сатни от намерения взять книгу, Ахуре рассказывает ему их собственную печальную историю.

Рассказ Ахуре

Недостающую часть рассказа можно, пожалуй, восстановить примерно так:

[И сказала она так. Случилось это во времена фараона Мернебптаха (?): царь состарился, и не было у него детей, кроме меня, по имени Ахуре, и Неферкаптаха, моего старшего брата, что рядом со мной[36]. И пожелал царь, чтобы у детей его родился ребенок, и повелел устроить через три (?) дня пир перед фараоном и позвать сыновей военачальников и дочерей военачальников. Но мы с моим старшим братом Неферкаптахом

очень любили друг друга, и я боялась, что царь возьмет меня и выдаст замуж за сына военачальника, а Неферкаптаха женит на дочери другого военачальника, чтобы умножить род, и так нас разлучат. А был у царя управитель, старый человек, который очень любил Неферкаптаха и меня; и когда он увидел, что мы любим друг друга, он заговорил со мной на второй (?) день и сказал: «Не любишь ли ты своего брата Неферкаптаха?» И я сказала: «Поговори с царем, чтобы он выдал меня за Неферкаптаха и не разлучал нас». И он сказал: «Я пойду и поговорю с царем, ибо правильно, чтобы сын царя женился на дочери царя». И сердце мое очень обрадовалось. И он пошел к царю и вернулся. И он сказал: «Я пошел к царю и говорил с ним так: „Великий мой господин царь, да исполнит он срок Ра! Не подобает ли царю последовать закону Египта и женить Неферкаптаха на Ахуре, чтобы родился сын в роду царя?“ И царь молчал, и сердце его очень смутилось. И я сказал ему: „Что смущает царя?“» (*Здесь папирус начинается с третьей страницы подлинной рукописи.*)

---

[36] Имя *Ne-nefer-ka-Ptah* означает «Прекрасен Бык Птаха» и, несомненно, относится к быку Апису, которого именовали «Обновлением жизни Птаха». *Ne-nefer* — демотическая форма глагола от *nfr*; в более древнем египетском было бы одно *nfr*, и имя звучало бы *Nefer-ka-Ptah*. *Ка* значит и «бык», и «*ка*», то есть «двойник». Древнее царское имя Нефер-ка-Ра, обычное в конце Древнего царства и вновь появляющееся в XXV династии, вероятно, значит «Прекрасен *ка* Ра»; Неферкаптах — явно имя того же строения.

Ахуре, или Ахехере (?), — имя, нигде более не известное, а имя царя Мер-неб (?)-Птаха (?), отца Неферкаптаха (IV, 6), пока нельзя прочесть с уверенностью. Очень старый человек говорит Сатни (VI, 12–13), что его прадед говорил, будто его собственный прадед говорил, что гробница Ахуре и Мериба находится в таком-то месте. Если предположить, что старику было девяносто лет, и положить 156 лет на шесть предшествующих поколений рассказчиков, то впервые это рассказали бы лет за 250 до розысков Сатни. Это отводит нас от времени Рамсеса II к началу XVIII династии. Однако тогда, по словам сказания, гробница была уже застроена

сверху, и, вероятно, ее следует считать гораздо более древней, быть может, даже относящейся к Древнему царству. Истории здесь искать не следует. Ни одно царское имя, составленное с «Птах», не встречается раньше XIX династии, и, надо думать, все имена в рассказе Ахуре вымышлены.

«И он сказал мне:] „Это ты обижаешь (?) меня[37]. Если нет у меня детей, кроме двоих, разве обычай велит женить одного из них на другом[38]? Я женю Неферкаптаха на дочери военачальника, [а Ахуре выдам] за сына другого военачальника. Да будет это к умножению нашего рода!“»

[37] Обычно это считают речью царицы к царю. Но царица больше ни разу не упоминается в рассказе Ахуре, чего вряд ли можно было бы ожидать, если бы ей позволялось говорить так властно о судьбе детей. Не только в эпоху Птолемеев, но и задолго до нее браки брата и сестры, несомненно, часто заключались в царском доме, где желательно было сохранить чистоту крови потомков Ра; допускался ли такой обычай в частных семьях — менее ясно (см. В. М. Мюллер, *Liebespoesie der alten Aegypter*, Einleitung, особенно с. 9). В данном случае царь боится поженить своих единственных детей друг на друге, как бы не пресеклось потомство.

[38] Бругш и другие переводят: «Так часто бывало в нашем роду», но построение фразы, по-видимому, против такого значения.

Пришел час, пир (ἑορτή)[39] поставили перед фараоном; за мной послали и привели меня на пир [названный, и случилось, что] [сердце] мое [было] очень печально[40] и держалась я не так, как накануне.

[39] *ḥrwt·t* = ἑορτή, как указал Шпигельберг, по-видимому, в значении «пир»; см. также филологическое примечание.

[40] Восстановление, разумеется, сомнительно.

Сказал мне фараон: «Ахуре, не *ты* ли посылала ко мне в этих тревожных (?) делах, говоря: „Выдай меня за [Неферкаптаха, моего] старшего [брата]“?»[41] Я сказала ему: «Пусть я выйду за сына военачальника, а он пусть женится на дочери другого

военачальника: да будет это к умножению нашего рода!» Я засмеялась, фараон засмеялся.

[41] Для восстановления заметим, что Неферкаптах назван ее «старшим братом» также в IV, 3. Ответ Ахуре, повторяющий собственные слова царя, сказанные посланцу, должен означать косвенное признание, что посланец был от нее, и царь уступает ее явному желанию.

..... Фараон [сказал]: «Управитель царского дома! Пусть Ахуре отведут в дом Неферкаптаха сегодня же ночью и пусть отнесут с ней все прекрасные вещи»[42]. Так меня отвели женой в дом Неферкаптаха.

[42] Если пир состоялся рано днем, свадьбу могли справить в тот же вечер; но у нас нет никаких сведений о брачных обычаях, которые направляли бы нас в попытке восстановления. Можно было бы восполнить так: [«Настало утро следующего дня, сказал фараон»], или [«Сердце его весьма обрадовалось, сказал фараон»], или [«Фараон послал за управителем царского дома и сказал ему»]. Третий вариант кажется предпочтительнее, так как необычно, чтобы к лицу обращались в сказании, не выведя его сперва особо на сцену, хотя, быть может, один такой пример есть в *Hist. Rom.* G [15].

В. Макс Мюллер собрал разнообразные свидетельства о египетских брачных обычаях и смежных предметах из доступных документов всех эпох во введении к своей *Liebespoesie der alten Aegypter*. В демотике существует множество относящихся к этому предмету документов, требующих тщательного изучения, а ему, к сожалению, они были доступны лишь в несовершенных копиях. В толковании рассказа о браке Ахуре (там же, с. 4) я расхожусь с ним в нескольких пунктах.

[Настало утро следующего дня (?), и фараон велел] принести мне дар серебром и золотом, и все домочадцы фараона пришли ко мне; и Неферкаптах провел со мной добрый день и угостил всех домочадцев фараона. И в ту же ночь он спал со мной, и вот — нашел меня [приятной (?)][43]. [И случилось, что он не (?) .....][44] со мной никогда, никогда; и вот — каждый из нас любил другого.

[43] Если «провести добрый день» может относиться к вечернему угощению, то и это могло быть в тот же день, что и пир (ἑορτή). Но такая крайняя поспешность

при царском браке кажется весьма невероятной.

Последние слова строки могут означать: «и вот брак был завершен».

[44] Каким бы ни было восстановление, здесь, вероятно, стояло какое-то отрицание: см. филологическое примечание.

И когда пришло мое время очищения, я больше не очистилась: доложили об этом фараону; сердце его очень обрадовалось, и он велел отнести [тотчас (?) ко мне] много добра; он велел принести мне дар серебром, золотом и царским полотном[45], прекрасным весьма. И когда пришло мое время родить, я родила этого ребенка, что перед тобой, по имени Мериб; и его (или: это) велели записать в Доме Жизни[46].

[45] «Царское полотно», или «царская нить», — так называлась тонкая ткань, которую греки называли βύσσος.

[46] «Дом Жизни» — это, по-видимому, название (саисского и более позднего времени) коллегии священных писцов, ἱερογραμματεῖς (по-демотически «писцы Дома Жизни»), которые владели иероглифическим и иератическим письмом (отчего иероглифическое письмо называется «письмом Дома Жизни», Канопский декрет, стр. 18–37) и были сведущи во всей мудрости египетской, включая врачевание (?) (Шефер, *Ä. Z.*, 1899, 72) и магию (второе сказание, VI, 7). Смысл этого места, вероятно, в том, что рождение внука царя было торжественно внесено в священный реестр.

[Случилось так, что у брата моего Нефер]каптаха не было на земле иного занятия, кроме как ходить по некрополю Мемфиса, читая писания, что были в гробницах фараонов и на плитах писцов Дома Жизни, и писания, что были на [храмах (?), и рвение его] к писаниям было велико.

После этого случилось, что было шествие в честь Птаха, и Неферкаптах пошел в храм поклониться; и вышло так, что он шел позади шествия, читая писания, что были на ковчегах богов. [Но некий жрец, старше (?) годами], чем он, увидел его и засмеялся[47]. И Неферкаптах сказал ему: «Чему ты смеешься надо мной?»

[47] Это место, очевидно, подразумевает: «*Ты* будешь смеяться над собой и своими надписями, когда прочтешь заклинания Тота, открывающие все тайны мироздания».

И он сказал: «Я смеюсь не над тобой; смейся сам и прочти то, чему ни у одного [человека на земле] нет [подобного (?). Если] ты хочешь произнести заклинание, приди ко мне, и я велю отвести тебя в то место, где находится книга, которую Тот написал своей рукой, когда сошел следом за богами[48]. (Есть) в ней две формулы письмен; и когда ты [прочтешь первую формулу, ты][49] заклянешь небо, землю, преисподнюю, горы, моря; ты узнаешь все, что скажут птицы небесные и гады; ты увидишь рыб глубины, ибо [сила Божия покоится в воде] над [ними]. Если прочтешь вторую формулу, то, даже будь ты в Аменти[50], ты вновь примешь свой облик на земле; ты увидишь Ра, восходящего в небе со всеми богами его круга, и луну, восходящую [в] своем образе .....»

[48] Намек неясен; возможно, это значит: «она (книга) призывает богов».

[49] С последующим местом ср. III, 36 и далее, где заклинания разделены яснее: первое дает магическую власть знать все, что происходит на земле, в небе и в воде среди населяющих их созданий; второе дает власть видеть самих небесных богов в их движении и божественное правление в глубинах моря.

[50] Аменти — египетский Аид.

[И Неферкаптах сказал ему]: «О царь, живи вечно[51]! Скажи мне какое-нибудь доброе дело, которого ты желаешь, и я сделаю его для тебя, чтобы ты указал мне место, где эта книга».

[51] Дословно: «О царь, да живет он!» — обращение шутливо преувеличенного почтения.

И жрец сказал Неферкаптаху: «Если [ты] хочешь, чтобы тебе указали [место, где эта книга], ты дашь мне сто *тебен*[52] серебра на

мое погребение и велишь дать мне две жреческие должности (?) без пошлины (?)».

[52] *Тебен.* Название веса, которое прежде читали *uten*, на самом деле следует читать *teben* (*dbn*, *tbn*) (Шпигельберг, *P. S. B. A.*, XV, 315). 1 *tbn* = 10 κιτε = 5 статерам, или (аттическим) тетрадрахмам по 270 гран. 100 *tbn* = 500 статерам = 2000 драхм = ⅓ таланта (приблизительно 300 унций) и, таким образом, в точности соответствуют μνᾶς εἴκοσι (20 минам), которые, по Диодору (I, 91), стоило бальзамирование среднего разряда, тогда как лучший разряд стоил целый талант. Последний пункт сделки весьма темен из-за пропусков и неизвестных слов в тексте.

Неферкаптах позвал отрока и велел дать жрецу сто *тебен* серебра; он велел ..... сделать две ....., он велел дать их [ему без пошлины (?). И жрец сказал] Неферкаптаху: «Названная книга находится посреди моря Коптоса[53], в железном ларце; железный ларец — [в] ларце [из бронзы, бронзовый ларец] в ларце из дерева *кете*, ларец из дерева *кете* в ларце из слоновой кости и черного дерева, ларец из слоновой кости и черного дерева в [ларце из серебра, а] серебряный [ларец] в ларце из золота, и в нем книга; и вокруг ларца, в котором книга, [на целый схен][54] всяких змей, скорпионов и гадов, а [вокруг] названного ларца — [вечный змей][55]».

[53] «Море Коптоса». Чтобы доплыть от берега до середины «моря Коптоса», нужно грести три дня и три ночи (III, 30), а «море» включало схен (шесть миль?) земли, кишащей гадами, окружавшими Книгу Тота. Его название и видимые размеры наводят на мысль о Красном море, к которому из Египта обычно шли по коптской дороге; но такое отождествление кажется невозможным, так как из повествования ясно, что его берег был близ города Коптоса и что корабль легко можно было привести к нему с Нила. Вероятнее, «море Коптоса» было священным озером, быть может, озером храма в Коптосе, или частью Нила близ Коптоса, магически расширенной, когда речь шла о сохранности Книги Тота.

В описании вложенных друг в друга ларцов писец, очевидно, перепутал порядок. Ему следовало написать: «в железном ларце — бронзовый ларец, в бронзовом ларце — серебряный ларец» и т. д. Для восстановления ср. III, 34 и далее. Эта искусная упаковка книги Тотом наводит на мысль о «герметическом запечатывании», и кажущаяся связь, может быть, не совсем случайна.

[54] «Схен». Ср. *P. S. B. A.* XVIII, 104, и указанную там литературу. Длина этой меры весьма неопределенна: некоторые считают ее в 12 000 локтей; во всяком случае, она, по-видимому, больше мили.

[55] «Вечный змей». Дословно «змей *zt*», что может означать «вечности» и указывать на его мнимую частичную неподвластность смерти (III, 32); или это может указывать, что он был из породы *zt*, по-видимому, гадюки (*Hieroglyphs*, с. 24). Или это какой-то змей, известный только в мифологии. Быть может, стоит заметить, что Гораполлон говорит: из трех родов змей бессмертен лишь урей (I, 1). Выражение наводит также на мысль о змее, образующем полное кольцо вокруг ларца; а образ змея с хвостом во рту, вероятно, был знаком египтянам (Стела Пианхи, стр. 5), хотя неизвестно, чтобы они связывали его с вечностью.

Когда жрец рассказал [это] Неферкаптаху, Неферкаптах не знал, в каком месте на земле он находится. Он вышел из храма, он рассказал [мне все], что с ним случилось, все. Он [сказал] мне: «Я пойду в Коптос, я принесу этот ларец и без промедления вернусь на север».

Случилось так, что я укорила (?) жреца, говоря: «Да проклянет (?) тебя Амон (?) за то, что ты рассказал ему эти [зловещие вещи! Ты уготовил (?) мне] битву, ты навлек на меня распрю[56]. (Что до) Фиваиды[57], я нашла ее [жестокой (?)».]

[56] Это место трудное и неполное. Жрец, может быть, уже появлялся на утраченных страницах. «Битва» и «распря» вряд ли означают спор о том, чтобы помешать Неферкаптаху отправиться в Коптос; скорее это может относиться к какой-то борьбе с божественными силами Верхнего Египта, на которую Ахуре или ее род были обречены в утраченной части ее рассказа. Или же у жреца могли быть прежние дела с Неферкаптахом, и смысл может быть таков: «Я укоряла жреца, говоря (Неферкаптаху): „Амон против тебя за то, что ты рассказал ему (жрецу) эти [наши дела]“» и т. д. Вместо «жестокой», может быть, следует восстановить «роковой», то есть там должна свершиться ее участь; или здесь может быть намек на какое-то прошлое несчастье.

[57] *tš n Ne*, «ном», или «область Города (то есть Фив)», — демотическое название Фиваиды, которая, по Страбону и Папирусу о доходах, начиналась с Гермопольского нома (XV–XVI) и включала весь Египет выше него, по крайней мере уже в царствование Птолемея Филадельфа (Магаффи в кн.: Гренфелл, *Revenue Laws*, с. XLVI).

Амон введен здесь, по-видимому, как бог, представляющий Фиваиду.

[Я сделала все], что было в моих силах, чтобы Неферкаптах не ходил в Коптос, но он [не] послушал меня. Он вошел к [фараону и рассказал перед] фараоном все, что рассказал ему жрец, все; и фараон сказал ему: «Чего [ты желаешь]?» Он сказал ему: «Пусть мне дадут прогулочную ладью фараона со всем ее снаряжением, и я возьму Ахуре [с Мерибом, ее ре]бенком, с собой на юг и без промедления принесу книгу».

Ему дали прогулочную ладью фараона со всем снаряжением; мы взошли на нее, мы подняли парус, мы достигли [Коптоса. Известие] о том [дошло] до жрецов Исиды Коптосской и верховного жреца Исиды: они спустились нам навстречу; они тотчас вышли навстречу Неферкаптаху; и жены их тоже спустились встретить меня. [Мы поднялись с берега, мы вошли] в храм Исиды и Гарпократа. И Неферкаптах велел привести быка, гуся, вина и совершил жертву и возлияние перед Исидой Коптосской и Гарпократом[58]. Нас отвели в дом, прекрасный весьма, ... и Неферкаптах провел четыре дня, празднуя со жрецами Исиды Коптосской, а жены жрецов Исиды праздновали со мной.

[58] Примечательно, что итифаллический бог Мин, местный бог Коптоса в фараоновы времена, не упомянут ни здесь, ни в соответствующем месте (VI, 7), хотя он был значителен даже в римское время (см. надписи в кн.: Питри, *Koptos*, а также надписи Хаммаматской дороги, L., *D.*, VI, 69). Однако уже в Новом царстве Исида была в Коптосе одной из главных фигур. Коптосский Мин, судя по его титулам, — форма Гора. Исида и Гарпократ упомянуты вместе в одной птолемеевской надписи (см. *Koptos*, табл. XX, правые столбцы, а также BR., *Dict. Géog.*, 831), и Гарпократ был, быть может, юной и благопристойной формой Мина.

И когда настало утро нашего следующего дня, Неферкаптах велел [принести] ему [много воска], и чистого, и сделал (из него) ладью с гребцами и корабельщиками (?)[59]. Он прочел над ними

заклинание и оживил их; он дал им дыхание и спустил (?) их на море. И, наполнив (?) прогулочную ладью фараона песком [и привязав ее к волшебной ладье (?)][60], он взошел на борт. Я же села у моря Коптоса, говоря: «Я узнаю, что с ним станется».

[59] Для восстановления ср. второе сказание, V, 19. Магические изображения обычно делали из воска в Среднем (папирус Весткар) и Новом царстве (Судебный папирус); странно, но в демотических магических папирусах таких упоминаний, по-видимому, нет.

[60] Неясно, что сталось с прогулочной ладьей фараона. Так как Неферкаптах, достигнув цели, бросил песок, он, вероятно, взял с собой царскую дахабию, нагруженную песком, на буксире у волшебной ладьи. Возможно, «наполнение песком» должно было потопить дахабию, и плавание могло быть подводным.

И он сказал: «Гребите, гребцы, со мной к месту, где эта книга!» [И они гребли с ним ночью], как в полдень. И вот на третий день он достиг его. Он бросил перед собой песок, и воды расступились[61]. И вот он нашел на схен всяких змей, скорпионов и гадов вокруг [места], где [была книга]; и вот он нашел вечного змея вокруг названного ларца. Он произнес заклинание против схена всяких змей, скорпионов и гадов, что были вокруг ларца; он не дал им подняться. [Он подошел к месту], где был вечный [змей]. Он сразился с ним, он убил его; тот ожил, он вновь принял свой облик. Он сразился с ним снова, во второй раз; он убил его, тот ожил снова. Он [сразился с ним снова] в третий [раз]; он разрубил его надвое и насыпал песку между одной частью и другой; [тот] умер и больше никогда не принял прежнего облика.

[61] «Воды расступились», дословно: «сделался разрыв (или отсутствие) течения».

Неферкаптах подошел к месту, где был ларец, [и нашел, что это ларец из] железа. Он открыл его и нашел ларец из бронзы. Он открыл его и нашел ларец из дерева *кете*. Он открыл его и нашел ларец из слоновой кости и черного дерева. [Он открыл его и

нашел ларец из] серебра. Он открыл его и нашел ларец из золота. Он открыл его и нашел в нем книгу. Он вынул книгу из золотого ларца; он прочел из нее формулу письмен; [он заклял небо, землю, преисподнюю,] горы и моря; он узнал все, о чем говорили птицы небесные, рыбы [глубины] и звери гор. Он прочел другую формулу письмен; он увидел [Ра, восходящего в небе со всем своим божественным кругом, и луну восходящую, и звезды в их образах][62]; он увидел рыб глубины, ибо божественная сила покоилась в воде над ними.

[62] Для всего этого восстановления места нет; оно взято здесь из разных соответствующих мест, III, 14, IV, 1.

И Неферкаптах прочел заклинание над [водой; он сделал ее такой, какой она была (?). Он взошел] на борт; он сказал гребцам: «Гребите со мной к месту, откуда .....» И они гребли с ним ночью, как в полдень. И вот он прибыл к месту, где была я; [он нашел меня сидящей] у моря Коптоса: я не ела и не пила, и ничего на земле не делала, а была как тот, кто достиг Доброго Дома[63].

[63] Ахуре голодала неделю, да еще страдала от бессонной тревоги, и, естественно, была в изнеможении. «Добрый Дом» — место бальзамирования, а не сама гробница (ср. IV, 25): когда тело приносили в «Добрый Дом», оно было гораздо страшнее на вид, чем когда его несли в гробницу уже мумией.

Я сказала Неферкаптаху: «..... дай мне взглянуть на эту книгу, ради которой мы так трудились». Он дал книгу мне в руки. Я прочла в ней формулу письмен; я заклинала небо, землю, преисподнюю, горы и моря; я узнала то, что говорят птицы небесные, рыбы глубины и звери, все. И когда я прочла другую формулу письмен, я увидела Ра, сияющего в небе со всем своим божественным кругом; я увидела луну восходящую со всеми звездами неба и их ход; я увидела рыб в глубине, ибо сила Божия покоилась в воде над ними.

Но я не была писцом — я хочу сказать, в сравнении с моим старшим братом Неферкаптахом, который был добрым писцом и мужем весьма ученым. Он велел принести ему лист нового папируса; он написал (на нем) все слова, что были перед ним в свитке, все. Велев пропитать его пивом, он растворил его в воде, он убедился, что тот растворился, он выпил его, он узнал согласно тому, в чем оно было[64].

[64] Последний оборот труден, и я не знаю, как его передать. Едва ли это «согласно (обстоятельствам), в которых он был». Общий смысл ясен. В мусульманских странах больных часто заставляют впитать силу магической формулы, выпив ее: иногда формулу пишут на внутренней стороне чаши для питья, иногда смывают в питье с бумаги, на которой ее для этого написали. Пиво же, народный напиток египтян, мусульманские лекари, надо полагать, не допускают.

Мы вернулись в Коптос в тот же день. Мы провели добрый день перед Исидой Коптосской и Гарпократом. Мы взошли на борт, мы поплыли вниз по течению, мы достигли (места) в одном схене к северу от Коптоса.

Но вот Тот узнал все, что случилось у Неферкаптаха с книгой. Тот не медлил; он принес жалобу перед Ра, говоря: «Узнай мое право и мою тяжбу с Неферкаптахом, сыном фараона Мер-неб (?)-Птаха (?)! Он пошел в мой покой и разграбил его, он взял мой ларец с моей книгой (?), он убил моего стража, что стерег его». Ему было сказано[65]: «Он перед тобой, со всеми, кто принадлежит ему, все».

[65] «Ему было сказано». Эта безличная форма обычна, когда речь идет о действиях божественных судилищ, ср. второе сказание, II, 11, 13; VII, 1.

Вместе или поодиночке «божественные Силы» часто упоминаются в демотике; они, по-видимому, соответствуют «ангелам» и, очевидно, связаны с «силами» (δυνάμεις) гностиков. Неолицетворенная «сила Божия» на воде, несколько раз упоминаемая в сказании, — иная форма слова «сила». Примечательно, что во всем этом сказании «силы Божии» действуют в реках и морях, как будто автора особенно поражала таинственность воды.

С неба была ниспослана Сила Божия с повелением: «Не дай Неферкаптаху вернуться невредимым в Мемфис, ему и всем, кто принадлежит ему, все»[66].

[66] Повеление, данное Силе, как раз обратно молитве о благополучном возвращении, часто встречающейся в демотических граффити.

В некий миг Мериб, ребенок, вышел из-под навеса[67] прогулочной ладьи фараона; он упал в реку, он исполнил волю Ра[68]. Все, кто был на борту, все, подняли крик. Неферкаптах вышел из-под своего навеса; он произнес над ним записанное заклинание, он заставил его подняться, ибо сила Божия была в воде, покоясь над ним[69]. Он произнес над ним записанное заклинание, он заставил его рассказать все, что с ним случилось, все, вместе с обвинением, которое Тот возвел перед Ра.

[67] «Навес», дословно «тень».

[68] Слово, употребленное здесь для «воли» или «изволения» Ра, архаично; выражение, вероятно, относится к приговору Ра, произнесенному выше (IV, 7).

[69] Действие этой «силы Божией», описанной как «покоящаяся на воде» и не раз упоминаемой в этом сказании в связи с рыбами и с поднятием тел утонувших, не очень понятно: по-видимому, божественная «сила» в обоих случаях была принуждаема магией.

Мы вернулись с ним в Коптос, мы велели отнести его в Добрый Дом, мы велели ухаживать (?) за ним[70], мы велели набальзамировать его, как подобает царевичу и вельможе, мы упокоили его в саркофаге на некрополе Коптоса.

[70] «Ухаживать (?) за ним»; быть может, намек на неприятные операции, которые производили бальзамировщики (ср. Диод. I, 91), или на бдение над умершим.

И Неферкаптах, брат мой, сказал: «Поплывем вниз по течению, не будем медлить, чтобы фараон не услышал о том, что с нами случилось, и не опечалилось из-за этого его сердце».

Мы взошли на борт, мы поплыли вниз по течению, мы без промедления прошли схен к северу от Коптоса, до того места, где ребенок Мериб упал в воду. Я вышла из-под навеса прогулочной ладьи фараона, я упала в реку, я исполнила волю Ра. Все, кто был на борту, подняли крик, все.

Сказали Неферкаптаху, и он вышел из-под навеса прогулочной ладьи фараона. Он произнес надо мной заклинание, он заставил меня подняться, ибо сила Божия покоилась в воде надо мной. Он велел поднять меня, он произнес надо мной заклинание, он заставил меня рассказать перед ним все, что со мной случилось, все, вместе с обвинением, которое Тот возвел перед Ра.

Он вернулся со мной в Коптос, он велел отнести меня в Добрый Дом, он велел ухаживать за мной, он велел набальзамировать меня, как бальзамируют царевича и великого вельможу, он упокоил меня в гробнице, в которой покоился ребенок Мериб.

Он взошел на борт, он поплыл вниз по течению, он без промедления прошел схен к северу от Коптоса, до места, где мы упали в реку. (И там) он сказал своему сердцу: «Могу ли я пойти в Коптос и жить там? А иначе, если я пойду в Мемфис, когда фараон спросит меня о своих детях, что я скажу ему? (Как) могу я сказать ему: „Я взял твоих детей в Фиваиду и, живой, дал им умереть; а сам пришел в Мемфис еще живым“?»[71]

[71] Эти вопросы подразумевают, что ни в Коптосе, ни в Мемфисе жизнь для него уже не была выносима.

Он велел принести ему полосу царского полотна и сделал из нее повязку. Он привязал книгу, он положил ее на свое тело и закрепил. И, выйдя из-под навеса прогулочной ладьи фараона, он упал в реку, он исполнил волю Ра. Все, кто был на борту, подняли крик, все, говоря: «Великое горе! Тяжкое горе! Неужели вернулся[72] он, добрый писец и ученый муж, которому не было равного?»

[72] «Вернулся», то есть, вероятно, «ушел домой», «умер».

Своей магией Неферкаптах вернул утонувшие тела жены и ребенка, но когда умер он сам, спутники его не могли сделать ничего лучшего, как вернуться в Мемфис.

Прогулочная ладья фараона поплыла вниз по течению, и никто на земле не знал места, где был Неферкаптах.

И когда они достигли Мемфиса, доложили об этом перед фараоном. И фараон спустился навстречу царской прогулочной ладье в траурной одежде, и люди Мемфиса в траурной одежде, все[73]; вместе со жрецами Птаха, верховным жрецом Птаха, и советом, и домочадцами фараона, все.

[73] Ср. Диод. I, 91: οὔτε ἑσθῆτας λαμπρὰς περιβάλλονται — о египтянах во время траура до погребения; и I, 72: σινδόνες ὑποκάτω τῶν μαστῶν — одежды всенародного траура по царям.

И вот увидели они Неферкаптаха, держащего рулевые весла прогулочной ладьи фараона своим искусством доброго писца[74]. Его подняли, увидели книгу на его теле. И фараон сказал: «Пусть эту книгу, что на его теле, спрячут»[75]. И совет фараона вместе со жрецами Птаха и верховным жрецом Птаха сказали перед фараоном: «О великий наш господин, царь, да исполнит он срок Ра! Неферкаптах был добрым писцом и мужем весьма ученым».

[74] Он благополучно привел корабль в Мемфис, держа рулевые весла под водой (?). «Искусство доброго писца» — это, разумеется, занятие магией: ср. VI, 4.

[75] «Спрячут» — как причину всех бед: на деле ее похоронили вместе с Неферкаптахом.

И фараон велел дать ему вход в Добрый Дом на (?) шестнадцать дней, пеленание на (?) тридцать пять, положение во гроб — на семидесятый день, и его упокоили в саркофаге, в его доме покоя[76].

(*Здесь кончается рассказ Ахуре.*)

[76] По-видимому, «70 дней» включали «16» и «35». На протяжении всего птолемеевского периода обычный срок от смерти, или, может быть, скорее от начала работы бальзамировщика, до погребения составлял 70 дней, в течение которых длился траур. Это доказывается записями об Аписах и о жрецах на стелах Серапеума. На деле срок часто продлевали на один-два дня. О жрецах см. BR., *Thes.* 912–913, ср. 931, 939, а о мирянине, занимавшем высокое местное положение, — *Rh. Bil. Pap.* V; у Пиля, *Insc.* I, 36, некий жрец имеет 80 (?) дней бальзамирования. Диодор (I, 72) дает 72 дня как общую продолжительность траура по царю. Об Аписах см. *Ä. Z.*, 1884, 104 и 125, надп. № 6; *Rev. Ég.* IV, 113. Некоторые из этих ссылок указаны в примечании Видемана к Геродоту, II, 86.

Для более ранних времен приходится опираться главным образом на чужеземные свидетельства. Геродот в только что упомянутом месте говорит, что во всех случаях тело выдерживали в натре 70 дней, но он, по-видимому, ошибается, утверждая, что у богатых сюда не входило время, нужное на предварительную тщательную подготовку тела и на последующее пеленание; скорее, оно входило. Гораздо более ранний источник, Яхвист в Быт. 50:3 (ок. 850 г. до н. э.?), отводит на бальзамирование Иакова 40 дней, а на оплакивание в Египте — 70 дней. Для Аписа также 70 дней до погребения в фараоново время, по-видимому, подразумеваются надписью царствования Рамсеса II (XIX династия, *Rec. de Trav.* XXI, 73) и другой надписью царствования Яхмоса II (XXVI династия, там же, 63).

Возможно, существовало и какое-то правило относительно сроков, отводимых на разные операции над телом; но оно не очень ясно. 35 дней в случае Неферкаптаха и 36 в *Rh. Bil. Pap.* V должны соответствовать «40 дням» Книги Бытия и «более чем 30» у Диодора, I, 91. Но 35 дней не соответствуют ни одному сроку, упомянутому в надписи Ан-эм-хера (BR., *Thes.* 893, с исправлением *Ä. Z.*, 1886, 36), которая гласит: «Совершили ему погребение с 28 фармути, что было его 4-м днем (он умер 24-го), согласно тому, что приходит в писании, до 9 эпифи, его 71-го дня, делая ему все необходимое и подобающее, что принято при этом согласно тому, что приходит в писании. С 20 паини по 29 (?) варили для него умащения; навязали на него повязки и пелены из виссона и амулеты, подобающие вельможам Египта. Совершили над ним всякое очищение, всякое омовение (?); сделали ему большой и прекрасный гроб согласно тому, что приходит в писании, с 6 эпифи до конца траура, и он вошел в свой дом покоя, в котором лежал его отец». Сопоставление этих подробностей с числами в сказании о Сатни, по-видимому, показывает иное деление времени между смертью и погребением:

Ан-эм-хер			
		дней от смерти	***дней бальзамирования***
смерть	24 фармути		
бальзамирование и пр.	28 фармути (пахон)	4	0
пеленание и пр.	20 паини — 29 паини	56	52
положение во гроб (*qs·t*)	6 эпифи — 9 эпифи	72	68
погребение	9 эпифи	75	71

Неферкаптах	
	***дней от смерти* в Коптосе или от прибытия в Мемфис (?)**
вход в Пер-нефер	16 (?)
начало пеленания	35 (?) (16 + 35 = 51, ср. 52 выше)
положение во гроб	70

«Вот я и рассказала тебе о бедах, что постигли нас из-за этой книги, о которой ты сказал: „Пусть ее дадут мне!“ Нет у тебя в ней доли, а за нее был взят наш срок жизни на земле».

Но Сатни сказал: «Ахуре, пусть мне дадут эту книгу, которую я увидел между тобой и Неферкаптахом, иначе я возьму ее силой».

Неферкаптах приподнялся на ложе, он сказал: «Ты ли тот Сатни, которому эта женщина говорила эти пустые слова[77], а ты не послушал ее слов? Названную книгу сможешь ли ты взять силой доброго писца или одолев меня в игре в шашки? Сыграем на нее в игру пятидесяти двух очков».

[77] Возможное чтение: «которому эта женщина рассказала эти несчастья, ни одного из которых ты вовсе не претерпел». Неферкаптах вызывает Сатни-Хамуаса на состязание в магии или в игре в шашки, чтобы решить судьбу книги.

И Сатни сказал: «Я готов».

Перед ними поставили доску для игры с ее фигурками[78], и они сыграли в игру пятидесяти двух, и Неферкаптах выиграл у Сатни одну партию. Он произнес над ним заклинание, он дополнил (?) его доской для игры, что была перед ним[79], он заставил его уйти в пол по ступни. Так же поступил он и во второй партии: он выиграл ее у Сатни; он заставил его уйти в пол по пояс. Так же поступил он и в третьей партии; он заставил его уйти в пол по уши[80].

[78] «Пятьдесят два очка». О том немногом, что известно о египетских играх в шашки, см. Видеман, *Actes du X Congrès des Orientalistes*, Genève, 1894. В данном случае число пятьдесят два, до сих пор не объясненное, в соединении с последующими событиями указывает на четыре партии по тринадцать очков (ср., быть может, то, что в нынешних колодах карт пятьдесят две карты — четыре масти по тринадцать). Неферкаптах выигрывает у Сатни три партии подряд и после каждой магией вгоняет его в землю. Очевидно, если бы Сатни проиграл четвертую партию, он был бы погребен полностью: он уклоняется от нее и спасается встречной магией. Битва родов в отрывочной *Hist. Rom.* Кралля, с. 36, тоже устроена «по пятьдесят два»; см. также ниже, IV, 39. Профессор Питри предполагает связь с числом недель в году. Быть может, мы видим здесь влияние чужеземного (еврейского?) календаря на условные числа египтян.

«Фигурки», дословно «собаки»: ср. *latrunculi*. Египетских шашек в виде собак не известно; в древнеегипетском фигурки назывались «плясунами».

[79] «Дополнил (?) его» — возможно, Неферкаптах придавил или ударил Сатни доской, но смысл весьма сомнителен. Бругш и Гесс переводят: «он защитился ящиком для шашек», причем выражение, переведенное как «ящик для шашек», дословно значит «крепость (или ограда) игры в шашки».

[80] То есть свободным оставалось бы только его запрокинутое лицо.

После этого Сатни пришлось очень туго от руки Неферкаптаха. Сатни позвал Анхерру, своего брата от (?) Менх (?)-арт[81], говоря: «Не медли, поднимись на землю и расскажи перед фараоном все,

что со мной происходит, и принеси амулеты Птаха, отца моего, и мои книги магии»[82].

[81] Имени Анхерру среди сыновей Рамсеса II пока не известно. Первая часть имени матери (?) сомнительна, как отчасти и предшествующий оборот. Менх-арт может быть отголоском имени Неферт-ари, второй (?) главной жены Рамсеса II, так как *menkh* по значению равно *nefert*. Хамуас был сыном первой (?) главной жены, Аст-неферт.

[82] «Книги магии», дословно «взятия залога». «Залог», по-видимому, означает либо охранительную магию (как у Гесса), либо магию, которая принуждает богов являться под угрозой какой-то утраты.

Анхерру не медлил подняться на землю и рассказать перед фараоном о том, что происходило с Сатни. И фараон сказал: «Отнеси ему амулеты Птаха и его книги магии». Анхерру не медлил спуститься в гробницу; он возложил амулеты на тело Сатни, и тотчас Сатни взлетел вверх и, протянув руку к книге, взял ее.

И случилось, что, когда Сатни выходил из гробницы, свет шел перед ним, а тьма шла позади него. И Ахуре заплакала о (?) ней, говоря: «Слава тебе, царь Тьма! Прощай (?), царь Свет! Ушла вся сила, что была в гробнице, вся!»[83]

[83] Об этом свете и тьме ср. ниже примечание к VI, 2. «Заплакала о ней», или, быть может, «(закричала), плача ему вслед».

Но Неферкаптах сказал Ахуре: «Не печалься сердцем: я заставлю его принести эту книгу сюда — с вилообразной палкой (?) в руке и с жаровней (?) огня на голове»[84].

[84] Или переводить: «с вилой и палкой». Вила могла служить для того, чтобы держать преступника за шею или за ноги при битье палками по пяткам, а палка и жаровня (?) были бы орудиями пытки битьем и огнем. Это странное покаяние (?), быть может, было общепринятым, но других его примеров не засвидетельствовано.

Сатни поднялся из гробницы и закрыл ее за собой, как было. Он вошел к фараону, он рассказал перед ним, что случилось с ним из-за книги. И фараон сказал Сатни: «Отнеси эту книгу в гробницу Неферкаптаха, как сведущий (?) человек[85], иначе он заставит тебя отнести ее с вилообразной палкой (?) в руке и жаровней огня на голове».

[85] «Как сведущий (?) человек», или «с благоразумием», «с учтивостью».

Но Сатни не послушал его. Случилось так, что Сатни не делал на земле ничего другого, кроме как развертывал книгу, чтобы читать из нее перед всеми.

После этого случилось однажды, когда Сатни прогуливался по дромосу храма Птаха, что вот — он увидел женщину, прекрасную весьма[86]: не было женщины, подобной ей красотой (?). Она была прекрасна (*sic*), и много золотых украшений было на ней, девушки шли за ней, и пятьдесят два человека челяди (?) принадлежали ей. И когда Сатни увидел ее, он не знал, где на земле находится. Сатни позвал своего слугу-раба, говоря: «Не медли, ступай к месту, где эта женщина, и узнай, что подвластно (?) ей»[87].

[86] В свете дальнейшего кажется, что весь эпизод с Табубу был наваждением, наведенным магией Неферкаптаха.

Число пятьдесят два здесь, по-видимому, не связано с игрой, в которую играл Сатни, выше, IV, 28.

[87] «Что подвластно ей», возможно, «каково ее поручение», или «дело».

Слуга-раб не медлил пойти к месту, где была женщина; он окликнул рабыню-служанку, что шла позади нее, он спросил ее, говоря: «Кто это такая?»

Она сказала ему: «Это Табубу[88], дочь пророка Баст, владычицы Анх-тауи; и вот она пришла сюда помолиться перед Птахом, великим богом».

[88] *Ta-bubue*, «та, что великолепия (?)»; но *bubue* очень похоже на демотическую передачу имени Βαυβώ, кормилицы (?) Деметры, в подражание которой женщины делали непристойные жесты на празднике Деметры в Элевсине. По Геродоту (II, 59, 60), праздники Баст, которую он отождествляет с Артемидой, в Бубастисе сопровождались большой вольностью нравов, и не было бы ничего несообразного в том, что имя, связанное с Элевсинскими мистериями, встречается в связи с Баст. Табубу встречается как женское имя на одном римском остраконе из Фив (BR., *Thes.* 1055).

«Владычица Анх-тауи» — «владычица Жизни Обеих Земель». Это титул, особо принадлежащий Баст в Мемфисе; ср. BR., *Dict. Géog.*, с. 127, 1151; поэтому «Пер-Баст» (ниже, V, 9) — не Бубастис, как обычно, а пригород Мемфиса, посвященный богине, что первым заметил Ревийю. Вероятно, «Баст», богиня-кошка, здесь тождественна Сехмет с головой львицы, жене Птаха.

Раб вернулся к Сатни, он рассказал ему все, что она сказала ему, все.

И Сатни сказал рабу: «Пойди и скажи рабыне так: „Сатни-Хамуас, сын фараона Усермаатра, — это он послал меня, говоря: я дам тебе десять золотых[89]: проведи со мной час; или есть у тебя жалоба на обиду[90] — я велю разобрать ее для тебя. Я велю отвести тебя в место хорошо сокрытое, и никто на земле не найдет тебя“».

[89] «Десять золотых». Египетскую единицу золота определить трудно. Гири, помеченные как эталоны для золота, от XII до XVIII династии весьма различны, но они, по-видимому, кратны 190–210 гранам или составляют их доли (*P. S. B. A.* XV, 313).

[90] «Или есть у тебя жалоба на обиду» и т. д. Это, по-видимому, на деле нечестное предложение помочь ей в суде; его понимали как угрозу насилием, если она не согласится, с последующим заточением в недоступном месте; Сатни скорее просит о свидании.

Раб вернулся к месту, где была Табубу, он окликнул ее рабыню-служанку и заговорил с ней, но она ответила ему бранью (?), как будто он сказал богохульство (?). И Табубу сказала рабу:

«Перестань пререкаться (?) с этой глупой рабыней, подойди [сюда] и поговори со мной».

Раб поспешил к месту, где была Табубу, и сказал ей: «Я дам десять золотых: проведи час с Сатни-Хамуасом, сыном фараона Усермаатра. Есть у тебя жалоба на обиду? Он и ее разберет. Он велит отвести тебя в место хорошо сокрытое, и никто на земле не найдет тебя».

Сказала Табубу: «Пойди скажи Сатни так: „Я жрица (?), не простого я звания. Если ты хочешь сделать со мной то, чего желаешь, ты придешь в Пер-Баст, в мой дом. Там все приготовлено, пока ты делаешь со мной то, чего желаешь, и никто на земле не найдет меня, и притом я не стану поступать, как поступает женщина низкого звания на виду (?) у улицы“».

Раб вернулся к Сатни и рассказал перед ним все, что она сказала ему, все. Сказал он: «Это хорошо». Возмутился (?)[91] всякий человек, что был при Сатни.

[91] «Возмутился (?)». Хотя бесцеремонный способ ухаживания Сатни был, без сомнения, предосудителен даже в Египте, он, вероятно, больше соответствовал брачным обычаям того времени, чем мы могли бы предположить. Сатни был уже женат и имел детей, ниже, V, 21.

Сатни велел привести ему ладью; он взошел на нее, он не медлил отправиться в Пер-Баст, он прибыл к западу от Кеми[92]. И вот он нашел дом весьма высокий, а вокруг него ограду, и сад к северу, и *диван* (?) перед ним. Сатни спросил, говоря: «Этот дом, чей это дом?» Ему сказали: «Это дом Табубу».

[92] Кеми — название части некрополя Мемфиса близ Серапеума (BR., *Dict. Géog.* 836), но кажется невероятным, чтобы дом жреца находился в пустыне к западу от него. «Кеми» здесь, по-видимому, какая-то другая местность.

Сатни вошел за ограду, и вот он обратил свое внимание (с удивлением?) на садовую беседку. Доложили об этом Табубу; она

спустилась, она взяла Сатни за руку, она сказала ему: «Клянусь благополучием дома пророка Баст, владычицы Анх-тауи, куда ты прибыл, я весьма рада (?). Поднимись со мной оттуда, где ты».

Сатни поднялся по ступеням дома вместе с Табубу. И вот он нашел верхний покой дома выметенным и убранным, пол (?) его был украшен настоящим лазуритом и настоящей бирюзой[93]. Много лож было там, застланных царским полотном, и на поставце — множество золотых чаш. Наполнили вином золотую чашу и дали в руку Сатни. Она сказала ему: «Поешь же»[94]. Он сказал ей: «Не могу я (есть)».

[93] «Настоящий лазурит» и т. д., то есть не цветное стекло или фаянс, которые назывались так же. «Бирюза» на самом деле была зеленым полевым шпатом или, быть может, малахитом.

[94] Или, быть может: «Выбери себе еду».

Положили на курильницу благовонные смолы, и принесли ему умащения того рода, каким пользуется фараон. Сатни провел добрый день с Табубу, он никогда прежде не видел подобной ей, никогда. Сатни сказал ей: «Давай совершим то, ради чего мы пришли сюда».

Она сказала ему: «Ты придешь в свой дом, тот, в котором ты есть[95]. Я жрица, я не простого звания; если ты хочешь сделать со мной то, чего желаешь, ты составишь запись о содержании и о возмещении деньгами за все и за все имущество, что принадлежит тебе, все».

[95] Очевидно, поговорка, означающая: «Ты и вправду получишь то, что и так уже твое»; или переводить: «неужели ты вторгнешься в собственный дом, в котором ты (уже) есть?»

«Запись о содержании и о возмещении деньгами». Птолемеевские брачные договоры содержат условия о содержании и о передаче всего имущества, наличного или приобретенного, детям, а кроме того, упоминание о денежной

выплате. Здесь имеется в виду оценка имущества и соглашение о возмещении приданого и т. п. в случае, если супруги расстанутся; см. примечание во второй части книги.

Он сказал ей: «Пусть приведут школьного писца»[96]. Его тотчас привели, и Сатни велел составить для нее запись о содержании и о возмещении деньгами за все и за все имущество, что принадлежало ему, все.

[96] Составлять брачный договор в нынешнем Египте обычно приглашают *fiqy*, то есть школьного учителя.

И в некий час случилось, что перед Сатни доложили: «Твои дети внизу». Он сказал: «Пусть их приведут наверх».

Табубу встала, она надела на себя одеяние из царского полотна, и Сатни видел сквозь него все ее тело, и вот желание его возросло больше прежнего. Сатни сказал: «Табубу, дай мне совершить то, ради чего я пришел сюда». Она сказала ему: «Ты достигнешь своего дома, того, в котором ты есть. Я жрица, я не простого звания; если ты хочешь сделать со мной то, чего желаешь, ты велишь своим детям подписаться под моей грамотой. Не дай им ссориться с моими детьми из-за твоего имущества».

Он велел привести своих детей, он велел им подписаться под грамотой. Он сказал Табубу: «Дай мне совершить то, ради чего я пришел сюда». Она сказала ему: «Ты достигнешь своего дома, того, в котором ты есть. Я жрица, я не простого звания; если ты хочешь сделать со мной то, чего желаешь, ты велишь убить своих детей; не дай им затеять ссору с моими детьми из-за твоего имущества».

Сатни сказал: «Пусть сделают с ними ту мерзость, что пришла тебе на сердце».

Она велела убить его детей у него на глазах, она велела сбросить их из окна собакам и кошкам[97]. Те ели их плоть, а он слышал это, пока пил с Табубу.

[97] «Собакам и кошкам»: кошки, быть может, — черта местного колорита, намек на священное животное Баст.

Сатни сказал: «Табубу, давай совершим то, ради чего мы пришли сюда. Все, что ты сказала, я сделал для тебя, все».

Табубу сказала ему: «Поднимись оттуда, где ты, в этот покой». И Сатни пошел в покой, он лег на ложе из слоновой кости и черного дерева, и желание его получало золото[98].

[98] «Получало золото» — очевидно, оборот речи, выражающий, что ожидание вот-вот исполнится.

Табубу легла рядом с Сатни; он протянул руку, чтобы коснуться ее, но она широко раскрыла рот в великом крике[99]. И вот Сатни очнулся (?) в жару (?), и фаллос его был в ....., и не было на нем никакой одежды на земле.

[99] Дословно: «раскрыла рот свой вниз» и т. д., то есть уронила нижнюю челюсть.

В некое время случилось, что Сатни увидел знатного человека, едущего в носилках (?)[100], и много людей бежало у его ног, и был он подобен фараону. И Сатни хотел встать, но от стыда не мог встать, потому что на нем не было одежды.

[100] Своевременное утешение, принесенное Сатни, есть нечто вроде видения; быть может, Неферкаптах, успешно сломив его дух, сам теперь пришел ему на помощь (ср. VI, 2, примечание, 10, 11). Похоже даже, что Сатни вовсе не был в доме Табубу, как ему чудилось, а лежал под открытым небом. Вместо «очнулся» можно читать «вскочил».

Носилки (?) или колесница (?). Любопытно, что слова для колесницы в демотике до сих пор не распознано.

(Тот) фараон сказал: «Сатни, что ты делаешь в таком виде, в каком ты есть?» Он сказал: «Неферкаптах — вот кто сделал мне все это».

(Тот) фараон сказал: «Ступай в Мемфис; что до твоих детей, они ищут тебя, они стоят перед фараоном в своем порядке».

Сатни сказал перед (тем) фараоном: «Великий мой господин царь, да исполнит он срок Ра! Как я пойду в Мемфис, когда на мне нет никакой одежды на земле?»

(Тот) фараон позвал раба, что стоял рядом, и велел ему дать одежду Сатни. (Тот) фараон сказал: «Сатни, ступай в Мемфис. Твои дети — они живы, они стоят в своем порядке перед фараоном».

Сатни пришел в Мемфис, он обнял своих детей, он нашел их живыми. Фараон сказал: «Пьян ли ты был?» И Сатни рассказал все, что случилось с ним у Табубу и у Неферкаптаха, все. Фараон сказал: «Сатни, я сделал для тебя прежде что мог, говоря: „Они убьют тебя, если ты не отнесешь эту книгу туда, откуда ты ее взял“, — а ты до сих пор не внял. Пусть эту книгу отнесут к Неферкаптаху — с вилой и палкой в твоей руке и с жаровней огня на твоей голове».

Сатни вышел от фараона с вилой и палкой в руке и с жаровней огня на голове. Он спустился в гробницу, в которой был Неферкаптах.

Ахуре сказала ему: «Сатни, это великий бог Птах привел тебя невредимым».

(Но) Неферкаптах засмеялся[101], говоря: «Это то, что я сказал тебе прежде».

---

[101] Смех Неферкаптаха, вероятно, означает, что благочестивое объяснение Ахуре того, как Сатни уцелел, неверно и что он сам задумал весь ход этого эпизода.

«Как будто это было солнце» может относиться к возвращению света в гробницу вместе с книгой; ср. IV, 34; но весь этот абзац труден.

Сатни приветствовал (?) Неферкаптаха; и ему показалось, будто (?) Солнце было во всей гробнице. И Ахуре с Неферкаптахом весьма приветствовали (?) Сатни.

Сказал Сатни: «Неферкаптах, есть ли что-нибудь постыдное?»[102] Неферкаптах сказал: «Сатни, ты знаешь, что Ахуре

с Мерибом, ее ребенком, они в Коптосе, (хотя они) также и здесь, в этой гробнице, искусством доброго писца[103]. Да будет возложено на тебя взять на себя труд пойти в Коптос и принести их сюда».

[102] «Постыдное (?)». Хотя Сатни, кажется, опасается наложения нового наказания и спрашивает, не будет ли оно позорным, возможно, он спрашивает, нет ли у Неферкаптаха жалобы на неподобающее погребение, тревожащее его загробный покой.

[103] «Книга мертвых» — собрание магических формул, иные из которых должны были позволить умершему путешествовать, куда он пожелает. С помощью таких формул Неферкаптах, исключительно искусный писец, то есть маг, обученный пользоваться формулами, сумел перенести призраки (?) своей жены и ребенка в свою гробницу в Мемфисе, тогда как их тела остались в Коптосе.

«Да будет возложено на тебя» — то есть царем или как долг?

Сатни поднялся из гробницы, он пошел к фараону, он рассказал перед фараоном все, что сказал ему Неферкаптах, все.

Фараон сказал: «Сатни, ступай в Коптос, привези Ахуре с Мерибом, ее сыном».

Он сказал перед фараоном: «Пусть мне дадут прогулочную ладью фараона с ее снаряжением». Прогулочную ладью фараона дали ему с ее снаряжением.

Он взошел на борт, он поднял парус, он не медлил, он достиг Коптоса. Доложили об этом перед жрецами Исиды Коптосской и верховным жрецом Исиды. Они спустились ему навстречу, они проводили его на берег. Он поднялся оттуда, он вошел в храм Исиды Коптосской и Гарпократа, он велел привести быка, гуся, вина, он совершил жертву и возлияние перед Исидой Коптосской и Гарпократом. Он пошел на некрополь Коптоса со жрецами Исиды и верховным жрецом Исиды. Три дня и три ночи они искали во всех гробницах, что были на некрополе Коптоса, переворачивая стелы писцов Дома Жизни[104] и читая писания, что

были на них. Но не нашли они места упокоения, в котором были Ахуре с Мерибом, ее сыном.

[104] «Переворачивая стелы» — надо думать, потому, что многие надгробные плиты лежали упавшими лицом вниз.

Неферкаптах увидел, что они не нашли места упокоения Ахуре с Мерибом, ее сыном. Он поднялся (из мертвых) в виде старика, жреца весьма преклонных лет, и вышел навстречу Сатни.

Сатни увидел его; Сатни сказал старику: «Ты имеешь облик человека весьма преклонных лет; знаешь ли ты место упокоения, в котором Ахуре с Мерибом, ее ребенком?»

Старик сказал Сатни: «Отец отца моего отца рассказал отцу моего отца, говоря: „Отец (отца)[105] моего отца рассказал отцу моего отца, говоря: место упокоения Ахуре и Мериба, ее сына, — у южного угла дома ..... жреца (?) .....“».

[105] «Отца» пропущено при переходе с предыдущей строки. См. выше примечание о времени царя Мер-неб (?)-Птаха (?), в начале рассказа Ахуре.

Сказал Сатни старику: «Может быть, из-за обмана (?), который ..... жрец сделал тебе, ты добиваешься, чтобы его дом снесли?»

Старик сказал Сатни: «Пусть приставят ко мне стражу, и пусть разрушат дом ..... жреца, и если не найдут Ахуре с Мерибом, ее сыном, под южным углом его дома, пусть сделают со мной мерзость»[106].

[106] «Пусть сделают мерзость» — по-видимому, иносказание вместо «предать смерти»; ср. второе сказание, IV, 4; VI, 24.

Приставили к старику стражу, нашли место упокоения Ахуре с Мерибом, ее сыном, под южным углом [дома] ..... жреца. И Сатни велел перенести этих великих людей на прогулочную ладью фараона, а дом ..... жреца велел отстроить таким, каким он был прежде. И Неферкаптах дал Сатни узнать, что это он пришел в

Коптос, чтобы они нашли место упокоения, в котором была Ахуре с Мерибом, ее сыном.

Сатни взошел на прогулочную ладью фараона, он поплыл вниз по течению, он не медлил, он достиг Мемфиса со всеми людьми, что были с ним, все.

Доложили об этом перед фараоном; он спустился навстречу царской прогулочной ладье. Он велел отнести этих великих людей в гробницу, в которой был Неферкаптах, и велел сделать над ними засыпку (?), единым образом[107].

[107] Последняя фраза сказания весьма сомнительна: ударение, вероятно, следует делать на слове «единым». Или смысл может быть таков: «он велел возвести над ними покрывающее строение некоего рода» (?).

Колофон

Полное писание это, повествующее о Сатни-Хамуасе и Неферкаптахе, и Ахуре, его жене, и Мерибе, ее ребенке. Этот список (?) написан[108] ..... в год 15-й[109], в первый месяц зимы (тиби) .....

[108] Кралль, *Ét. déd. à Leemans*, с. 63, прочел в конце имя писца Зе-Хер-па-та, но это, вероятно, неверно.

[109] «Год 15-й»; прежде ошибочно читалось «год 35-й», и на этом исключительно высоком годе царствования основывались мнения о возрасте рукописи.

ГЛАВА III. СКАЗАНИЕ О ХАМУАСЕ И ЕГО СЫНЕ СИ-ОСИРИ

✦

Демотический текст нашего второго сказания, по-видимому, значительно моложе текста первого: на это указывают испорченный почерк и правописание, весьма далекие от всего, что мы знаем как птолемеевское; они заставили бы подозревать очень позднее время. Однако я не знаю ни одного текста II или III века н. э., написанного в такой манере. С другой стороны, двуязычные договоры купли-продажи времен Тиберия и Клавдия показывают странные разновидности почерка, которые можно с ним сравнить. Кроме того, дата греческих счетов на лицевой стороне (*recto*)[1], которая устанавливает раннюю границу возраста рукописи на середине I века, — веское основание относить демотический текст ко времени в пределах тридцати лет от этой даты.

---

[1] См. ниже, во второй части книги.

Письмо плохое и неправильное[2]; небрежные пропуски оставляют пробелы в повествовании[3]; есть также повторы и подстановки неверных слов, не говоря уже о бесконечных ошибках в написании. Вероятно, многие трудности, с которыми сталкивается переводчик, на деле объясняются ошибками писца, чье неумение повсюду создает столь резкую противоположность опрятности предыдущего текста. В сказании о Хамуасе и Неферкаптахе, особенно в речах, встречаются заметные случаи своего рода инверсии, при которой подлежащее, дополнение или иное

существительное выносится из предложения, а затем возобновляется в самом предложении местоимением. В настоящем сказании эти грамматические фигуры нагромождены так, что читать их невыносимо, хотя при должном выражении и жесте эти изъяны письма могли казаться слушателям красотами речи.

[2] Вместо правильного почерка и единообразного написания первого сказания здесь все случайно, во многом как в «Исторической повести» из Вены. Знак для *p'*, «the» (определенный член), служит также для сильного конечного *t* и для *ḥr*, и часто его нельзя отличить от *e*. Бессмысленные колебания в написании — правило.

[3] Примеры таких пропусков — iv. 4–8, 14; v. 37 — vi. 1.

Поскольку страницы папируса не пронумерованы, невозможно сказать, сколько их утрачено в начале. По меньшей мере одна целая страница должна была пропасть, ибо никакое разумное начало повести не могло уместиться в утраченной части строки, открывающей первую, отрывочную страницу. На этой странице сохранилось около двух третей верхних строк, но от нижней части страницы почти ничего не осталось. Главную нить повести на последнем листе или листах можно восстановить в немногих словах:

> [Сатни-Хамуас, сын фараона Усермаатра, взял в жены свою сестру (?) Мехусехт[4], которую любил безмерно; но детей у них не было, и сердца их печалились об этом. И случилось однажды ночью, когда она спала, что ей приснился] сон: с нею говорили, [говоря: «Ты ли] Мехусехт, [жена] Сатни, что лежит, [тщетно ища] исцеления[5] [для себя и мужа твоего (?)? Когда настанет утро завтрашнего дня], пойди ко входу в омовальню (?) Сатни, мужа твоего; ты найдешь дынную плеть, что растет там… и ее плоды, и ты положишь ее обратно (?). [Это будет тебе (?)] лекарством, и ты дашь [его Сатни,

мужу твоему (?). Ты ляжешь с ним и зачнешь] от него в ту же [ночь]».

---

[4] Имя Мехусехт как имя жены Хамуаса не встречается ни в первом сказании, ни в истории. Однако так звали царевну, бабку Шешонка, основателя XXII династии. В беседе Хамуас и Мехусехт называют друг друга «брат» и «сестра» (iii. 9, 10), но, быть может, эти слова употреблены просто как обычные ласковые обращения между влюбленными или между мужем и женой, без указания на прежнее родство (об их употреблении ср. Меллер, *Liebespoesie*, с. 8, 9).

Восстановления на всей этой странице папируса во многом не имеют твердого основания.

---

[5] О другом сне, начинающемся вопросом «Ты ли…?», см. ниже, v. 10.

Мехусехт пробудилась [от] сна, и вот что она видела; она сделала все, [что было сказано ей во сне[6]. Она легла] рядом с [Сатни], мужем своим, и зачала от него.

---

[6] Об общем смысле ср. первое сказание, iii. 7.

Пришло ее [время очищения, и она подала] знак [женщин, что понесли. Сатни возвестил об этом перед фараоном, и] сердце [его радовалось] этому безмерно. Он навязал [на нее] амулеты, он прочел над нею магические письмена.

Сатни лег однажды ночью [и увидел сон: с ним говорили], говоря: «Мехусехт, жена твоя, за[чала в эту ночь (?)]. Дитя, что родится, [будет названо] Си-Осири[7]; много [чудес совершит он в земле Египетской (?)]».

[Сатни пробудился] от [сна], увидев это. [Сердце его радовалось] безмерно.

---

[7] Си-Осири, «Сын Осириса», — титул, изредка дававшийся Гору, хотя обычно его называли «Сыном Исиды». Изящным восстановлением этих снов было бы заставить Исиду, кормящую Гарпократа, явиться Мехусехт, а Осириса — Сатни; заметим множественное число в стк. 1, 7: «с нею говорили», — которое, впрочем, может быть лишь неопределенной формой, то есть «были сказаны слова».

Обрывки вполне допускают такое восстановление, которое к тому же согласуется со стилем египетских повестей; но уверенности нет. Конец повести, где показано, что Си-Осири на самом деле Гор, сын Панеше, получивший от Осириса позволение вновь посетить землю, достаточно объясняет имя, данное ребенку. Что же до слов, услышанных в видении, они могли быть внушены самим Гором, сыном Панеше, и вовсе не обязательно были переданы каким-либо определенным лицом.

[Она (?)] проходила [свои месяцы (?)] беременности, она разделила (?)…

[Пришло ее время родить], и она родила младенца мужского пола. [Дали знать (?)] Сатни, [и он назвал его] Си-Осири, согласно тому, что было сказано во сне… …и его вскормили.

И случилось, что когда дитя [Си-Осири было на первом году, всякий] сказал бы: «Ему два года», а когда он был на втором [году], сказал бы: «Ему три года». …[И было так, что Сатни не проводил и часа], не глядя на дитя Си-Осири, — так велика была любовь, [что он питал к нему], безмерно.

Дитя выросло, окрепло, его отдали в школу (?)… Он сравнялся с писцом, приставленным учить его. Дитя [Си-Осири] начало беседовать… с писцами Дома Жизни в [храме Птаха (?); все, кто слышал его], дивились ему.

И отрадой Сатни было приказывать наряжать[8] его и водить на *ἑορτή* перед фараоном, чтобы [вельможи видели его ум и сердца их радовались тому], и чтобы он снискал себе почет (?) у них всех[9].

[8] «Наряжали», буквально «очищали», — включая весь обряд омовения, умащения и облачения к пиру.

[9] Или: «и чтобы он превзошел (?) их всех» (товарищей по учению или собеседников?).

[И вот в некий день случилось, что] Сатни [был] наряжен для *ἑορτή* по (?) [своему обычаю (?) в] своих [собственных (?)] покоях… дитя [Си-Осири привели на] *ἑορτή* (что устраивалась) перед [ним].

[В некий] миг — вот! — Сатни услышал голос плача и посмотрел [из верхних покоев] своего дома, [и вот! он увидел богатого человека], которого выносили в пустынный некрополь, и плач был [громок безмерно]… [его участь] была более (?) славной, чем его собственная (?). Он взглянул [снова], он [посмотрел] себе под ноги (?), и вот! он увидел [бедного человека, которого выносили из Мемфиса на кладбище]…, завернутого [в] циновку, и было… и [никто] не шел [за ним][10].

[10] Злая участь этого богача в загробном мире показана в ii. 13–14, а счастливая участь бедняка — там же, стк. 10–12.

[Сказал] Сатни: «Клянусь [Птахом, великим богом, насколько лучше будет в Аменти великим людям (?)], которым [воздают славу (?)] голосом [плача], чем бедным, которых уносят в пустынный некрополь [без славы погребения]!»

[Но Си-Осири сказал[11]: «Да будет тебе сделано в Аменти] так, [как] будет сделано этому бедняку в Аменти; [да не будет тебе сделано того, что будет сделано этому богачу в Аменти]. Ты [сойдешь (?)] в Аменти, [и ты увидишь…

[11] Ср. ii. 15, где упомянута эта речь.

(Обрывки тринадцати следующих строк, кажется, показывают, что Сатни был сильно встревожен этим предсказанием; следует какой-то разговор, Сатни задает вопрос. Вероятно, пир был оставлен; во всяком случае нам приходится предположить, что со временем Сатни и его сын отправляются в некрополь, где Си-Осири ведет отца к таинственному входу в *Tȇ*[12]. Здесь они проходят один за другим три зала. О том, что они видели в них, ничего нельзя узнать из этих отрывочных строк, и дальнейшие части повести не содержат ясных намеков на утраченные места.)

[12] Как Си-Осири и Хамуас вошли в *Tê* (егип. *D’·t*), не сказано ничего; ii. 24, кажется, намекает, что в этом была какая-то тайна. Здесь *Dat*, или *Tê*, — таинственное место суда над мертвыми перед Осирисом, как оно представлено в «Книге мертвых», и, подобно подземному миру Вергилия, это, по-видимому, и последнее жилище мертвых. Слова ii. 22–3, быть может, подразумевают, что у каждого нома, как считалось, было свое место суда в подземном мире. Этой мысли соответствуют местные *zazat*, или судилища, в «Книге мертвых» (глава XX).

[Они вошли в четвертый зал]… [И Сатни увидел людей, рассеянных и разлученных, и они были к тому же голодны (?)]; а были и другие, у которых пища, вода и хлеб были подвешены над ними, и они спешили достать их, но иные копали ямы у них под ногами, чтобы те не могли до них дотянуться.

Они вошли в пятый зал, и вот! Сатни увидел благородных духов, стоящих на своих местах, и тех, на ком были обвинения в насилии[13], стоящих у входа и молящих; [и] одного человека, в правый глаз которого был вбит засов[14] двери пятого зала, и он молил, он издавал великие стенания.

Они вошли в шестой зал, и вот! Сатни увидел богов [совета (?)][15] обитателей Аменти, стоящих на своих местах, и служителей (?) Аменти, что стояли и возглашали.

Они вошли в седьмой зал, и вот! Сатни увидел образ Осириса, великого бога, восседающего на своем троне из чистого золота[16], в венце *атеф*; Анубис, великий бог, был по левую руку от него, а великий бог Тот — по правую; и боги совета обитателей Аменти стояли слева и справа от него. Весы были поставлены посередине перед ними, и они взвешивали злые дела против добрых[17]; великий бог Тот записывал, а Анубис подавал слово своему товарищу. Ибо тот, о ком найдут, что злых дел у него больше, чем добрых[18], предается (?) Аме[19] Владыки Аменти; его душа и его тело уничтожаются, и она (?) не дает ему жить снова вовек[20]. Тот же, о ком найдут, что добрых дел у него больше, чем злых, принимается в число богов совета Владыки Аменти, и душа его идет на небо с

благородными духами. А тот, о ком найдут, что добрые дела его равны злым, принимается в число превосходных (?) духов, что служат Сокари-Осирису[21].

---

[13] «Те, на ком были обвинения в насилии», или в несправедливости; обвинители это или обвиняемые — можно сомневаться.

---

[14] Слово, переведенное «засов», совсем неясно: это может быть и «ось» (дверной шип). Наказанный так человек — богач из i. 16. В очень древнем изваянии, найденном Квибеллом в Иераконполе, подпятник двери имеет вид человека, на груди (?) которого поворачивалась дверь.

---

[15] Боги совета соответствуют египетскому *zaza-t* Осириса, или Хер-нетера, в «Книге мертвых».

---

[16] Это описание загробного мира основано на представлении о суде, так часто изображаемом в виньетке к главе 125 «Книги мертвых». Там мы видим Осириса, восседающего на троне в глубине зала, в венце *атеф*, перед ним весы; Анубис проверяет весы, а Тот записывает; чудовище Амат ждет с разинутой пастью, по-видимому, чтобы пожрать нечестивых. По сторонам — сорок два бога-заседателя (ср. стк. 22), к каждому из которых умерший обращается с отречением от одного греха.

---

[17] Взвешивание сердца против пера Маат (глава 125 «Книги мертвых»), по-видимому, служит для того, чтобы удостовериться в *отсутствии* нечестия; а сопровождающая его «Отрицательная исповедь» состоит в отрицании того, что умерший совершил перечисленные в ней грехи. Невозможность столь совершенной невинности была очевидна, но вера в магическую силу слов, по-видимому, приходила на помощь даже самому тяжкому грешнику. Отрекаясь от греха в должных выражениях и магически заклиная свое сердце не выдать его на весах, умерший как бы обходил богов в формальностях божественного суда и получал награды, обещанные тем, кто признан невинным. В настоящем тексте указан более разумный и нравственный порядок — взвешивание добрых (?) дел человека против его дурных (?) дел.

Иными словами, нравственный идеал египтян был высок. «Книга мертвых» с ее упованием на магию воплощает попытки жрецов — не без выгоды для себя — открыть грешникам путь к избавлению. С одной стороны, представление о том, что земная жизнь человека влияет на его участь после смерти, развивалось, пока не стало казаться, что спасение недоступно никому; с другой — были даны чисто обрядовые средства, которыми, как можно думать, мог с полной уверенностью в

блаженстве воспользоваться и величайший грешник. Настоящий текст с его гораздо более высоким, хотя еще не вполне стройным и последовательным взглядом несет на себе следы влияний, подобных христианскому.

[18] Слова, переданные как «злые дела» и «добрые дела», может быть, значат «пороки» и «добродетели» или, скорее, «благодеяния» и «злодеяния».

[19] «Ам-т, владычица Аменти», — так в *Todtenbuch* Лепсиуса названо чудовище, сидящее с разинутой пастью у весов. В виньетках к главе 125 его обычно изображают с головой крокодила, телом льва и задней частью гиппопотама. Его имя, вероятно, значит «пожирательница», но, по-видимому, обязанности его нигде не описаны, и жаль, что настоящее упоминание тоже неясно. В гробницах царей (Рамсеса VI и др.) есть любопытный вариант сцены суда, где чудовище имеет облик свиньи (Розеллини, *Monumenti del Culto*, cxvi; Уилкинсон, *Ancient Egyptians*, третье издание под редакцией Бирча, с. 466).

[20] «Она не дает ему дышать вовек»; «дышать» здесь значит жить после смерти. «Книга дыханий» — название позднего текста, призванного обеспечить жизнь за гробом и дать умершему возможность принимать любой облик по желанию, как это мог бы сделать могущественный бог. Итак, по изложению суда над мертвыми в нашем тексте, нечестивые совершенно уничтожались, душой и телом, а добрый человек становился богом в подземном мире, в звании советников Осириса, и душа его шла на небо вместе с благородными духами. В «Книге мертвых» есть глава о том, как стать *sr n z'z'-t*, «вельможей совета (Осириса)». Она имеет номер 79 и встречается уже при XVIII династии.

[21] В главе 125 «Книги мертвых» мы находим иное учение — что главная надежда оправданного состояла в том, чтобы стать спутником или слугой Осириса; но во всех текстах этого многосоставного собрания участь добрых и злых — или, вернее, тех, кому удалось, и тех, кому не удалось снискать милость богов, — описана или намечена очень по-разному. Кроме того, в настоящем тексте деление проведено по иному началу и на три разряда, а именно: деятельно добродетельные, деятельно порочные и те, чьи добрые и злые дела уравновешивали друг друга. Еще один, низший разряд описан ниже, стк. 18–21.

И Сатни увидел (там) великого человека, облаченного в одежды из виссона, близ того места, где был Осирис, и положение его было весьма высоким (?)[22].

Сатни дивился тому, что видел в Аменти. И Си-Осири вышел вперед (?) перед ним и сказал ему[23]: «Отец мой Сатни, разве ты не

видишь этого великого человека, облаченного в одежды из царского полотна, что стоит близ того места, где Осирис? Это тот бедняк, которого, как ты видел, выносили из Мемфиса, и никто не шел за ним, и был он завернут в циновку. Его привели в *Tê*, и его злые дела взвесили против добрых дел, что он совершил на земле; и нашли, что добрых дел у него больше, чем злых, принимая во внимание (?) срок жизни, что написал ему Тот[24]..., принимая во внимание его великодушие (?) на земле. И было повелено перед Осирисом, чтобы погребальное снаряжение того богача, которого, как ты видел, выносили из Мемфиса с великими почестями, отдали этому самому бедняку и чтобы его приняли в число благородных духов как человека Божия, что следует за Сокарисом-Осирисом, и место его было близ особы Осириса. (А) тот великий человек, которого ты видел, — его привели в *Tê*, его злые дела взвесили против добрых, и нашли, что злых дел у него больше, чем добрых дел, что он совершил на земле. Было повелено воздать ему в Аменти, и он [и есть тот человек], которого [ты видел], — в правый глаз его вбита ось (?) врат Аменти, и она затворяется и отворяется на нем, а уста его раскрыты в великом стенании. Клянусь Осирисом, великим богом, Владыкой Аменти, — вот! я говорил тебе на земле: [„Да будет] тебе сделано так, как сделано этому бедняку; да не будет тебе сделано того, что сделано тому великому человеку“, — ибо я знал, что с ним станется».

---

[22] Седьмой зал, по-видимому, последний; во всяком случае это последний зал, в который Си-Осири вводит отца. В «Книге мертвых» нет такого ряда залов, ведущих к месту суда, но мысль могла быть взята от семи *arreryt*, или *aryt* (залов или входов?), главы 144, связанных с Осирисом (см. Лепсиус, *Todtenbuch*, табл. lx, lxi).

---

[23] Бедному праведнику отдается погребальное снаряжение, похороненное с богатым нечестивцем, и он возвышен до ближайшего служения Осирису, облаченный в тонкие одежды, взятые таким образом из гардероба богача.

[24] «Его срок жизни, что написал ему Тот». В двуязычном папирусе Ринда, ii. 2 (Бругш, *Thesaurus*, 898), в демотической части упоминается «конец его жизни, что написал ему Тот на его кирпиче рождения», а в иератической — «конец его жизни, что вырезал ему Асдену (Ὀστάνης, см. Масперо, *P. S. B. A.* xx. 140) на его *meskhent*». Кирпич рождения Месхент обычно изображается возле весов в сцене суда; ср. также Эрман, комментарий к папирусу Весткар, с. 63, и *Kufi*, v. 14.

Сказал Сатни: «Сын мой Си-Осири, много чудес видел я в Аменти. Дай же мне в свой черед узнать, [что случилось] с теми людьми, что рассеяны (?) и разлучены (?), и они к тому же прожорливы; и с другими, у которых пища, вода и хлеб подвешены над ними, и они спешат достать их, а иные копают ямы у них под ногами, чтобы те не могли до них дотянуться».

Сказал Си-Осири: «Это справедливо, отец мой Сатни. Те люди, которых ты видел рассеянными (?) и разлученными (?), и они к тому же голодны (?), — это род людей на земле, что под проклятием Божиим и трудятся ночью и днем ради пропитания, а сверх того их жены обирают их, и они не находят хлеба, чтобы поесть. Они пришли в Аменти: их злых дел оказалось больше, чем добрых; и они нашли, что то, что случалось с ними на земле, случается с ними и в Аменти, — и с ними, и с теми другими людьми, которых ты видел, у которых пища, вода и хлеб подвешены над ними, и они бегут достать их, а иные копают яму у них под ногами, чтобы те не могли до них дотянуться: это род людей на земле, у которых жизнь перед ними, но Бог копает яму у них под ногами, чтобы они не нашли ее[25]. Они пришли в Аменти и нашли (?), что то, что постигало их на земле, постигло их снова [в Аменти]; вот! души их были взяты в *Tê*. Пойми сердцем, отец мой Сатни: кто добр на земле — к тому добры в Аменти, а кто зол — к тому злы. Это установлено (?), [это не изменится] вовек. То, что ты видел в *Tê* в Мемфисе[26], бывает и в сорока двух номах, в которых [пребывают заседатели (?)] Осириса, великого бога, [чей престол в] Абидосе, месте прорицания (?), обители князей, … Филах».

[25] Нечестивые, по-видимому, уничтожаются после суда, но теперь нам показана участь отверженных и обделенных судьбой, проживших жизнь недостойную или ушедшую лишь на добывание пропитания. В стк. 20, 21 учение о предопределении, уже намеченное в стк. 11, развито далее.

[26] «*Tê* в Мемфисе», или «*Tê* Мемфиса». Сорок два — число номов, из которых двадцать два были в Верхнем Египте и двадцать в Нижнем. По «Книге мертвых», заседателей на суде было сорок два, по одному от каждого нома.

Си-Осири окончил эти слова, что говорил перед Сатни, [отцом своим]; он [поднялся] из пустыни Мемфиса, и [отец его Сатни] обнимал его, рука его была в его руке. Сатни спросил [его, говоря: «Сын] мой Си-Осири, то место, которым мы спустились, иное ли, чем то, откуда мы поднялись?» Но Си-[Осири] не [дал] Сатни в ответ ни слова. И Сатни дивился тому, что испытал, говоря: «Он сможет стать (?) подобным благородным духам и человеку Божию, и я буду ходить с ним, говоря: „Это мой сын“». Сатни произнес [заклинание из своей] книги изгнания демонов, дивясь [тому, что] видел в Аменти. И это тяготило его, ибо [никому на земле] не мог он открыть этого.

И вот когда мальчику Си-Осири исполнилось двенадцать лет, случилось, что не было [доброго писца или ученого мужа (?)], который сравнялся бы с ним в Мемфисе в чтении письмен, что принуждают[27].

[27] «Письмена, что принуждают», — то самое выражение, что переведено «книги магии» в первом сказании, iv. 32.

[После этого] в некий день фараон Усермаатра вышел во двор[28] дворца (?) в Мемфисе, и [совет] князей, военачальников и великих людей Египта [стоял] каждый на своем месте во дворе. Некто пришел [во дворец, говоря]: «Вот послание, что приносит *ate*[29] из Эфиопии, на теле которого [запечатано] письмо[30]».

Об этом возвестили [перед] фараоном. Его привели во двор, и он вознес моление (?), [говоря: «Есть ли кто], кто прочтет перед

фараоном это письмо, что я принес в Египет, не повредив его печати; прочтет написанное в нем, не раскрывая его? Если [не найдется доброго писца и ученого мужа в] Египте, способного прочесть его, не раскрывая, я унесу посрамление Египта в землю Нехес, мою страну».

Услышав эти слова, фараон [со своими князьями не знали, в каком месте] на земле они находятся, говоря: «Клянусь Птахом, великим богом, это подвиг для доброго писца и ученого мужа — прочесть письмена, страну которых он увидит! Поистине (?) высоко (?) это — прочесть письмо, [не раскрывая его][31]!»

[Сказал] фараон: «Пусть призовут ко мне Сатни-Хамуаса, сына моего».

Побежали и привели его в тот же миг. Он поклонился до земли, приветствовал [фараона]; [поднялся], встал на ноги, произнося благословения в привет фараону.

Сказал ему фараон: «Сын мой Сатни, слышал ли ты слова, что этот *ate* из Эфиопии сказал передо мною, говоря: „Есть ли в Египте добрый писец и ученый муж, который сможет прочесть это письмо, что у меня в руке, не сломав его печати, и узнает, что в нем написано, не раскрывая его?“»

Услышав эти слова, Сатни не знал, где он на земле, и сказал: «Великий мой владыка, кто же тот, кто сможет прочесть письмо, не раскрывая его? Пусть мне дадут отсрочку в десять дней, чтобы я посмотрел, что смогу сделать, дабы не унесли посрамление Египта в землю Нехес, страну едоков камеди[32]».

Сказал фараон: «Они (даны) сыну моему Сатни».

Эфиопу отвели покои для жилья (?); для него было устроено все (?) по обычаю эфиопов. И фараон поднялся со двора, и сердце его было опечалено безмерно; он лег, не пив и не ев.

Сатни пошел в свои покои, не зная, куда идет на земле. Он закутался в свои одежды с головы до ног и лег, не зная, где он на земле. Сказали о том Мехусехт, жене его; она пришла туда, где был Сатни, просунула руку под его одежды и не нашла тепла; он лежал недвижно (?) в своих одеждах.

Она сказала ему: «Брат мой Сатни, нет тепла в лоне; *shebay* в теле, болезнь (?), скорбь сердца»[33].

---

[28] Трудно решить, был ли «двор» открытым двором или залом собраний. Слово древнее и по происхождению, кажется, значит «зеленеющий», будто это могло быть прохладное место с зелеными деревьями или, пожалуй, вернее, тенистый двор с колоннами, выкрашенный в зеленый цвет.

[29] «Человек (?) из Эфиопии»; значение *ate* можно лишь угадывать по связи: «чужеземец», «маг», «плут», «раб», «пленник»?

[30] «На теле которого запечатано письмо». Неясно и темно; но, может быть, это значит, что письмо было привязано к его телу и там запечатано.

[31] «Это подвиг» и т. д. Чтение и смысл весьма неясны.

[32] Египет всегда гордился изобилием своих съестных припасов; здесь бедность Эфиопии подчеркнута тем, что ее жителей называют «едоками камеди».

[33] Это, вероятно, имеет вид врачебного определения болезни — простой перечень без связи слов.

Сказал он ей: «Оставь меня, сестра моя Мехусехт; дело, из-за которого печалится мое сердце, не таково, чтобы его следовало открывать женщине».

Вошло дитя Си-Осири, встало над Сатни, отцом своим, и сказало ему: «Отец мой Сатни, отчего лежишь ты в скорби сердца? То, что (?) у тебя на сердце, скажи мне, чтобы я прекратил это».

Сказал он: «Оставь меня, сын мой Си-Осири. Что до того, что у меня на сердце, — ты мал годами, ты не велик; береги себя».

Сказал Си-Осири: «Скажи мне, чтобы я освежил твое сердце в этом».

Сказал Сатни: «Сын мой Си-Осири, это *ate* из Эфиопии пришел в Египет с письмом, запечатанным на его теле, и говорит: „Есть ли тот, кто прочтет его, не раскрывая? Если не найдется в Египте доброго писца и ученого мужа, способного прочесть его, я унесу посрамление Египта в землю Нехес, мою страну“. Вот я и лег, и сердце мое опечалено этим, о сын мой Си-Осири».

Когда Си-Осири услышал эти слова, он долго смеялся. Сказал ему Сатни: «Отчего ты смеешься?» Сказал он: «Я смеюсь оттого, что ты лежишь с опечаленным сердцем из-за такой вот малости. Встань, отец мой Сатни; я смогу прочесть письмо, что принесли в Египет, не раскрывая его, и узнать, что в нем написано, не сломав его печати».

Услышав эти слова, Сатни вдруг поднялся и сказал: «Каково знамение того, что ты говоришь, сын мой Си-Осири?»

Сказал он ему: «Отец мой Сатни, пойди в подвалы[34] твоего дома: всякую книгу, что ты вынешь из ларя, я назову тебе, что это за книга, я прочту ее, не видя, стоя над тобою, пока ты в подвалах».

Встал Сатни, поднялся на ноги и сделал все, что сказал ему Си-Осири, все. Сатни (Си-Осири) прочел всякую книгу, что Сатни, отец его, подносил ему, не раскрывая их. Сатни поднялся из подвалов своего дома в великой радости. Он не замедлил прийти туда, где был фараон, и рассказал перед ним все, что сказало ему дитя Си-Осири, все; и сердце его радовалось этому безмерно.

Фараон омылся для *ἑορτή* вместе с Сатни; он велел привести Си-Осири на *ἑορτή* перед собою. Они пили, они провели добрый день.

Настало утро следующего дня; фараон вышел во двор среди своих великих людей. Фараон велел привести *ate* из Эфиопии; его привели во двор с письмом, запечатанным на его теле, и он встал посреди двора. Дитя Си-Осири вышло на середину и встало рядом с *ate* из Эфиопии; он возгласил против него, говоря: «Горе тебе, злодей из Эфиопии! Да поразит его Амон, бог его! Ты, что пришел

в Египет, прекрасный пруд Осириса, престол Ра-Харахта, прекрасный небосклон Духа[35], говоря: „Я унесу его посрамление в землю Нехес“, — наитием (?) Амона, бога твоего, что на тебе: слов, которые я расскажу, — а это те, что написаны в этом письме, — не объявляй ложью перед фараоном, твоим государем».

Когда *ate* из Эфиопии увидел дитя Си-Осири, стоящее во дворе, он склонил голову и заговорил, говоря: «Ни одного слова, что ты скажешь, я не объявлю ложью».

---

[34] «Подвалы»: в Танисе профессор Питри нашел собрания римских папирусов в подвалах; по-видимому, документы хранили в подземных помещениях для защиты от огня; поздние обычно находят в корзинах, хотя лучшие папирусы, вероятно, хранились в кувшинах.

---

[35] «Дух», или Ἀγαθοδαίμων, Ψαις, *Pshay*. Осирис, Ра и Агатодемон здесь, очевидно, главные божества, причем последний — верховное божество в *Kufi*. Имя часто встречается в демотике (см. Гесс, *London Gnost. Gloss.*, под этим словом). *Shay* — собственно «Судьба», бог, не имевший большого значения в прежние времена. Здесь можно было бы перевести «судьба», но слово в демотике соответствует также иероглифическому *Ка*, и поэтому лучше передавать его как «Дух». Ср. vii. 11.

Чтение письма

Начало повествования, которое произнес Си-Осири, которое он рассказал перед фараоном и его вельможами, и народ Египта внимал его голосу. Он сказал: «Вот что написано в письме *ate* из Эфиопии, что стоит посредине:

«Было это во дни фараона Менх-па-Ра Си-Амона[36], и был он благодетельным царем всей земли, и Египет при нем изобиловал всяким добром; он был щедр, не жалея расходов и трудов, на великие храмы Египта.

«Случилось однажды, что *Kwr*[37] земли Нехес был… поля земли Амона. И вот! он услышал голоса трех *ate* из Эфиопии [в] темнице (?)[38]; один из них говорил громким голосом, после иных слов: „Да

не найдет Амон за мною оплошности (?) и да не велит *Kwr* (?) Египта учинить надо мною поругание, — ибо я бросил бы мою магию в Египет и заставил бы людей Египта провести три дня и три ночи[39], не видя иного света, кроме света масла *kiki* (?)“.

«Другой сказал, после иных слов: „Да не найдет Амон за мною оплошности и да не велит *Kwr* Египта учинить надо мною поругание, — ибо я бросил бы мою магию в Египет и велел бы доставить фараона Египта в землю Нехес, и велел бы бить его пятьюстами ударами палки (?) посредине перед наместником, и велел бы вернуть его в Египет в шесть часов ровно“.

«Когда наместник услышал эти слова из уст трех эфиопов, он велел привести их к себе и сказал им: „Кто из вас тот, что сказал: ‚Я брошу мою магию в Египет, я не дам им видеть свет три дня и три ночи‘?“

«Они сказали: „Это Гор, сын Свиньи“[40].

«Сказал он: „Кто тот, что сказал: ‚Я брошу мою магию в Египет, я доставлю фараона в землю Нехес, я велю бить его пятьюстами ударами палки (?) посредине перед наместником, я велю вернуть его в Египет в шесть часов ровно‘?“

«Сказали они: „Это Гор, сын Нубиянки“.

«Сказал он: „Кто тот, что сказал: ‚Я брошу мою магию в Египет, я не дам земле плодоносить три года‘?“

«Сказали они: „Это Гор, сын Царевны (?)“[41].

«Сказал наместник (Гору, сыну Нубиянки): „Соверши это твое деяние письменной магии. Клянусь жизнью Амона, быка Мероэ[42], моего бога, если дело руки твоей удастся, я сделаю тебе множество добра“.

«Гор, сын Нубиянки, сделал из воска носилки на четырех скороходов; он прочел над ними письмена, он дал им дыхание (?), он оживил их. Он повелел им, говоря: „Вы подниметесь в Египет,

вы доставите фараона Египта туда, где наместник, и, после того как его побьют пятьюстами ударами палки посредине перед наместником, вы отнесете его обратно в Египет, и все это в шесть часов".

«Сказали они: „Да, поистине; мы ничего не упустим".

«Чары эфиопа поднялись в Египет ночью, они схватили фараона Менх-па-Ра Си-Амона, они отнесли его в землю Нехес, туда, где был наместник. Его побили пятьюстами ударами палки посредине перед наместником, и они вернули его в Египет в шесть часов ровно (?)».

---

[36] «Менх-па-Ра» похоже на неэтимологическую передачу имени Мен-хепер-Ра, тронного имени Тутмоса III, которое, должно быть, хорошо помнили и которое произносилось примерно как Менехпре. В клинописных письмах из Телль-эль-Амарны имя передано как Манахбирия. Си-Амон, «сын Амона», — имя, которое легко придумать для фиванского царя; его действительно носил Херихор, первый царь-жрец в Фивах, при XXI династии. Однажды Менх-па-Ра назван просто Си-Амоном (iv. 25), а по утверждению в vi. 35 он отнесен на 1500 лет (!) раньше Рамсеса II.

---

[37] *Kwr* — очевидно, титул правителя Эфиопии, но был ли он независимым царем, неясно. В стк. 3, 4 эфиопы говорят о «*Kwr* Египта», по-видимому, как об ином лице, чем фараон, который упомянут тут же. Это означало бы, что *Kwr* Египта был либо «правителем Египта», либо «правителем из Египта» в Эфиопии, то есть, быть может, вакилем (*wakil*) фараона, и тем же лицом, что «*Kwr* Эфиопии».

---

[38] Возможно, эти эфиопы были осужденными узниками.

---

[39] «Три дня и три ночи». Три — любимое число, например ниже, стк. 14 и v. 33 и др.; первое сказание, iii. 30, 33; а также в более древних повестях как Среднего, так и Нового царства: папирус д'Орбиньи, xiii. 5, папирус Весткар (три сына Ра), папирус Гаррис 500, оборот (три судьбы).

---

[40] Заметим, что все маги — и трое эфиопов, и египтянин (v. 3) — носят имя Хор, то есть Гор.

---

[41] Небрежность писца снова видна в этом месте. Упомянуты три эфиопа, но в стк. 4–8 приведены речи лишь двоих, хотя здесь говорится и о третьей речи — быть может, лишь как о мысли, пришедшей позже. Ничто, кроме дальнейшего хода

повести, не показывает, какой из трех замыслов пришелся по душе *Kwr*; пробел восполнен издателем в скобках.

---

[42] Мероэ — столица Эфиопии. Там и в других местах Амону поклонялись в образе барана, но его титул во втором сказании, казалось бы, указывает, что у Амона Мероэ был и священный бык, хотя выражение может быть лишь образным обозначением силы и мужской мощи.

И вот когда Си-Осири рассказал это посредине перед фараоном и его князьями, а народ Египта слушал его голос, он сказал: «Наитие Амона, бога твоего, на тебе: слова, что я говорю, — те ли это, что написаны в письме, что у тебя в руке?»

Сказал *ate* из Эфиопии: «Читай дальше, как читал; всякое слово, что ты говоришь, — правда, все».

Сказал Си-Осири перед фараоном: «Когда это случилось, они вернули фараона Си-Амона в Египет, и зад его был избит великим избиением. Он лег в святилище Пер-Гора[43], и зад его был избит безмерно.

«Настало утро следующего дня; сказал фараон придворным: „Что это нашло на Египет, что меня заставляют покинуть его[44]? Стыд помыслам сердец придворных, что говорят: ‚Видно, мысль сердца фараона ушла‘[45]“.

«Сказали они: „Ты здрав, ты здрав, о фараон, великий наш владыка! Исида, великая богиня, прекратит твои беды. Что за слова ты сказал перед [нами, о фараон], великий наш владыка? Ты (лежишь) в святилище Пер-Гора, и боги хранят тебя“.

«Фараон встал и показал придворным свою спину, избитую великим избиением безмерно. Он сказал: „Жизнью Птаха, великого бога, кто-то отнес меня ночью в землю Нехес, кто-то побил меня пятьюстами ударами палки посредине перед наместником. Меня вернули в Египет, и все это за шесть часов“.

«Увидев зад фараона, избитый великим избиением безмерно, они раскрыли уста в великом крике.

«А у Менх-па-Ра Си-Амона был книжник (?), по имени Гор, сын Панеше, весьма ученый муж. Он пришел туда, где был фараон, и вскричал великим криком, говоря: „Великий мой владыка, это чары эфиопов. Жизнью твоего… я заставлю их войти в твой дом мучений (?) и казни (?)“.

«Сказал ему фараон: „Поспеши ко мне; да не унесут меня в землю Нехес еще одну ночь“.

«Книжник (?) Гор, сын Панеше, тотчас вышел; он принес свои книги и свои амулеты туда, где был фараон. Он прочел над ним письмена, навязал на него амулеты, чтобы чары эфиопов не одолели его.

«Он вышел от фараона, взял с собою приношения и возлияния, взошел на ладью и отправился прямо в Хмун[46]. Он вошел в храм Хмуна; он совершил свои приношения и возлияния перед Тотом, восемь раз великим[47], Владыкой Хмуна, великим богом; он вознес перед ним молитву, говоря: „Внемли мне, господин мой Тот. Да не унесут эфиопы посрамление Египта в землю Нехес. Ты тот, кто сотворил (?) магию в письменах, ты тот, кто подвесил небо, кто утверждает землю и преисподнюю, кто ставит богов со… Дай мне узнать, как спасти фараона от чар эфиопов“.

«Гор, сын Панеше, лег спать в храме. И в ту же ночь ему приснился сон[48]: образ великого бога Тота говорил с ним, говоря: „Ты ли Гор, сын Панеше (?), книжник фараона Менх-па-Ра Си-Амона? Когда настанет утро завтрашнего дня, пойди в книгохранилище храма Хмуна. Ты найдешь (там) ковчег, запертый и запечатанный: открой его. Ты найдешь в названном ковчеге ларец, а в нем свиток папируса, написанный моею собственной рукой. Вынь его, сними с него список и положи его снова на место. „Книга магии“ — имя ей; она сотворила защиту мне от врагов, и она сотворит защиту фараону, чтобы спасти его от чар эфиопов“.

«Гор, сын Панеше, пробудился от сна, и вот что он видел; он понял, что случившееся было от бога. Он сделал по всякому слову, что было сказано ему во сне; он пошел прямо туда, где был фараон, и сделал ему амулеты против чар в письменах.

«Настал второй день. Чары Гора, сына Нубиянки, снова поднялись в Египет ночью, туда, где был фараон; (но) они тотчас вернулись туда, где был наместник, (ибо) не могли одолеть фараона из-за амулетов и чар, что книжник Гор, сын Панеше, навязал (?) на него.

«Настало утро следующего дня. Фараон рассказал книжнику Гору, сыну Панеше, все, что видел ночью, и как чары эфиопов вернулись назад, потому что не могли одолеть его.

«Гор, сын Панеше, велел принести ему много чистого воска; он сделал носилки на четырех носильщиков, он произнес над ними письмена, он дал им дыхание (?), он оживил их. Он повелел им, говоря: „Вы пойдете в землю Нехес этой ночью; вы доставите наместника в Египет, туда, где фараон; его побьют пятьюстами ударами палки посредине перед фараоном, и вы вернете его снова в землю Нехес, и все это в шесть часов“.

«Они сказали: „Да, поистине; мы ничего не упустим“.

«Чары Гора, сына Панеше, понеслись под (?) облаками небесными[49], они направились прямо в землю Нехес ночью. Они одолели наместника, доставили его в Египет; его побили пятьюстами ударами палки посредине перед фараоном, и они вернули его в землю Нехес, и все это в шесть часов».

---

[43] «Святилище Пер-Гора». Это «святилище», очевидно, не было обычной опочивальней фараона. Он, должно быть, бежал туда, ища убежища от страданий и ужасов ночи.

---

[44] Не значит ли восклицание фараона: «Меня преследуют, так что я должен бежать»?

---

[45] «Мысль сердца фараона ушла», то есть, вероятно, «он лишился рассудка».

[46] Хмун (*Khemen-nw*) значило «восьмой» город, то есть восьмой в Верхнем Египте, если подниматься вверх по реке. См. *P. S. B. A.*, 1899, с. 279.

[47] «Тот, восемь раз великий»: остатки знаков указывают на это чтение. Титул, который здесь впервые появляется в египетской литературе, — соответствие τρισμέγιστος, позднему эпитету, впервые употребленному около времени этой рукописи (см. Пичман, *Hermes Trismegistus*, с. 34 и сл.). *ʿo* — это μέγας, что мы можем обозначить алгебраически через *a*; *ʿo ʿo* (2*a*), обычный титул Тота в поздних иероглифических текстах, передан на Розеттском камне как μέγας καὶ μέγας, но, вероятно, соответствует μέγιστος, и, следовательно, 8 *ʿo* — это τρισμέγιστος, то есть $(2a)^3$. Знаменитый эпитет Гермеса, озадачивавший толкователей, так обнаруживает свое математическое построение. 6 *ʿo* = 3(2*a*) не заполнило бы пробел в папирусе и не дало бы явно задуманной отсылки к имени города Тота, «Восьмого», и к мифологическому толкованию этого имени. *P. S. B. A.*, там же.

[48] О молитве и сне ср. выше, главу I, § 10, и надписи-граффити оракула в Абидосе, изданные Сейсом, *P. S. B. A.* x. 379.

[49] «Под облаками небесными» — вероятно, выражение для «высоко в воздухе».

Вот что рассказал Си-Осири посредине перед фараоном и его вельможами, а народ Египта слушал его голос. Он сказал: «Наитием Амона, бога твоего, что на тебе, о враг из Эфиопии: слова, что я говорю, — то ли, что написано в этом письме?»

Заговорил эфиоп, склонив голову к земле, и сказал: «Читай дальше, как читал; всякое слово, что ты говоришь, написано в этом письме».

Сказал Си-Осири: «Когда все это случилось и они вернули наместника в землю Нехес, и все это в шесть часов, они положили его на его место, и он лег.

«Он встал поутру, избитый безмерно ударами, что нанесли ему там, в Египте.

* * * * * *[50]

«…„побили меня пятьюстами ударами палки посредине перед фараоном Египта, и вернули в землю Нехес снова“.

«Он повернулся спиной к князьям; они раскрыли уста в великом крике. Наместник послал за Гором, сыном Нубиянки. Сказал он (ему): „Да проклянет тебя Амон, бык Мероэ, мой бог! Ты, что ходил к людям Египта[51], поспеши мне на помощь, посмотри, что ты сделаешь, чтобы спасти меня от руки Гора, сына Панеше!“

«Он (Гор, сын Нубиянки) сотворил свои чары; он навязал их на наместника, чтобы спасти его от чар Гора, сына Панеше.

«Настала ночь второго дня. Чары Гора, сына Панеше, отправились в землю Нехес; они унесли наместника в Египет, его побили пятьюстами ударами палки посредине перед фараоном, его отнесли обратно в землю Нехес, и все это в шесть часов.

«Так случалось с наместником три дня; чары эфиопов не могли спасти наместника от руки Гора, сына Панеше. Наместник был в тоске безмерной. Он велел привести к себе Гора, сына Нубиянки, и сказал ему: „Горе тебе, злодей из Эфиопии! Ты дал меня посрамить руке людей Египта; ты не смог спасти меня от их рук. Клянусь жизнью Амона, быка Мероэ, моего бога, если ты не сумеешь спасти меня от воздушных колесниц[52] людей Египта, я предам тебя злой смерти безмерно“.

«Сказал Гор, сын Нубиянки: „Господин мой наместник! Пошли меня в Египет, чтобы я увидел того, кто творит там чары, чтобы я состязался с ним, чтобы я дал ему изведать презрение к его руке, что у меня на сердце“.

«Гора, сына Нубиянки, отпустили от наместника. Он пришел туда, где была его мать, Нубиянка.

* * * * * *[53]

«…„Если ты пойдешь в Египет творить там чары, берегись людей Египта. Ты не сможешь состязаться с ними. Не попадись им в руки, а не то ты не вернешься в землю Нехес вовек“.

«Сказал он: „Ничего нет в том, что ты говоришь. Я не могу не пойти в Египет, чтобы (вместо того) бросать в него мои чары (из Эфиопии)“.

«Сказала ему Нубиянка, его мать: „Раз уж так случилось, что ты идешь в Египет, установи знаки между мною и тобою: если ты потерпишь неудачу, я приду к тебе, чтобы посмотреть, смогу ли я спасти тебя“.

«Сказал он ей: „Если меня одолеют, то, когда ты станешь пить [и есть], всякое (?) питье станет перед тобою цветом крови, яства, что перед тобою, станут цветом мяса (?), небо станет перед тобою цветом крови“.

«Гор, сын Нубиянки, установил знаки между собою и своею матерью. Он поднялся в Египет, начиненный чарами; он прошел (?) от того, что сотворил (?) Амон[54], до самого Мемфиса, туда, где был фараон, выискивая того, кто творил чары в Египте.

«Он пришел во двор перед фараоном и заговорил громким голосом, говоря: „Эй ты, что творишь против меня чары во дворе, там, где фараон, на глазах у народа Египта! Вы, двое писцов Дома Жизни, (или) ты, писец Дома Жизни, что творишь чары над наместником, доставляя его в Египет наперекор мне!“

«Когда он говорил эти слова, Гор, сын Панеше, стоял во дворе перед фараоном, и он сказал: „Эй ты, нечестивый эфиоп, не ты ли Гор, сын Нубиянки, которого я спас в тростниках (?)[55] Ра, вместе с твоим товарищем из Эфиопии, что был с тобою, когда вы тонули в воде, сброшенные с холма к востоку от Она[56]? Разве ты не подумал об освобождении (?) фараона, твоего государя, когда велел бить его зад там, где был наместник, и пришел в Египет, говоря: ‚Есть ли тот, кто творит против меня чары?‘ Жизнью Атума, владыки Она, боги Египта опрокинули тебя на спину (?), чтобы воздать тебе в своей стране! Позабавься (?): я (?) пришел к тебе“.

«Когда Гор, сын Панеше, сказал эти слова, Гор, сын Нубиянки, ответил ему, говоря: „Не тот ли, кого я учил шакальему языку (?)[57], творит против меня чары?“

«Человек из Эфиопии совершил деяние письменной магии: он заставил огонь вырваться во дворе. Фараон и князья Египта вскричали великим криком, говоря: „Поспеши к нам, книжник Гор, сын Панеше!“

«Гор, сын Панеше, сотворил заклинание письменами: он заставил небо пролить южный (?) дождь[58] на вершину пламени, и оно погасло в тот же миг.

«Эфиоп совершил другое деяние магии в письменах: он навел великую тьму (?) на двор, и никто не видел ни брата своего, ни товарища.

«Гор, сын Панеше, прочел письмена к небу и заставил его утихнуть и успокоиться от злого ветра, что владел им.

«Гор, сын Нубиянки, совершил другое деяние письменной магии. Он сотворил великий каменный свод длиною в двести локтей и шириною в пятьдесят локтей над фараоном и его князьями, грозивший оставить Египет без царя, землю без государя[59].

«Фараон взглянул на небо, увидел над собою каменный свод и раскрыл уста в великом крике вместе с народом, что был во дворе. Гор, сын Панеше, произнес заклинание письменами. Он сотворил воздушную ладью из папируса и заставил ее унести каменный свод. И вот! она улетела с ним к (?) Могучему пруду[60], Великой воде Египта.

«(Тогда) человек из Эфиопии понял, что не может состязаться (с египтянином); он совершил деяние письменной магии, чтобы тот не видел его во дворе, дабы перенестись в землю Нехес[61], свой город. Гор, сын Панеше, произнес над ним письмена, он разоблачил чары эфиопа, он сделал его видимым фараону и

народу Египта, что стоял во дворе, — а был он в образе злого нильского гуся[62] и уже готов был улететь. Гор, сын Панеше, произнес над ним письмена, он опрокинул его на спину (?), и над ним встал птицелов с ножом в руке, готовый пронзить, собираясь учинить над ним расправу.

«Когда все это случилось, знаки, что Гор, сын Нубиянки, установил между собою и своею матерью, явились перед нею — все. Она не замедлила подняться в Египет в образе гусыни; она остановилась над дворцом фараона, взывая своим голосом к сыну, а он был в образе злого нильского гуся, и птицелов стоял над ним.

«Гор, сын Панеше, взглянул на небо и увидел Нубиянку в том облике, в каком она была; он узнал в ней Нубиянку, эфиопку. Он произнес над нею письмена, он опрокинул ее на спину, и над нею встал птицелов, и нож его готов был предать ее смерти.

«Она переменила облик, в котором была, приняла свой (настоящий) вид эфиопской женщины и взмолилась, говоря: „Не губи (?) нас, Гор, сын Панеше. Прости нам этот злой умысел. Если ты дашь нам воздушную ладью, мы не вернемся в Египет больше никогда“.

«Гор, сын Панеше, поклялся фараоном и богами Египта, говоря: „Я не [отпущу (?)] моего деяния чар, пока вы не дадите мне клятвы не подниматься в Египет ни по какой нужде (?)“.

«Нубиянка подняла руку (в клятве), что не придет в Египет во веки вечные. Гор, сын Нубиянки, поклялся, говоря: „Я не приду в Египет тысячу пятьсот лет“.

«Гор, сын Панеше, отнял руку от своего деяния письменной магии, он дал воздушную ладью Гору, сыну Нубиянки, и Нубиянке, его матери. Они отправились в землю Нехес, свой город».

[50] Писец пропустил часть повести, которая, по аналогии с iv. 26 — v. 1, должна была описывать, в каком состоянии нашли наместника эфиопские вельможи, и содержать начало его рассказа о случившемся.

[51] «Ты, что ходил к людям Египта» (учиться магии), или, быть может, лучше: «Ты (подчеркнуто) перешел на сторону людей Египта».

[52] «Воздушные колесницы». Демотическое слово — то же, что употреблялось для ладей, в которых, по представлениям, плыли по небу солнце (Ра) и другие боги (как звезды?).

[53] В конце страницы v в списке, должно быть, большой пропуск: вероятно, писец выронил отрывок, кончавшийся словами *n-m-f*, «в нем», и начал снова с середины речи Нубиянки. Конечно, оборвать рассказ внезапно и возобновить его речью было бы живописным приемом быстрого действия; такой прием знаком и нынешним арабским сказителям. Но вряд ли такое объяснение приложимо к сходному случаю в v. 28, и оба надо считать просто ошибками.

[54] «То, что сотворил Амон»; ср. iv. 3. Эфиопия (вместе, быть может, с Фиваидой), по-видимому, считается владением Амона.

[55] «Которого я спас (?) из тростников» или «(спрятав его) в тростниках». Едва ли нужно пояснять это ссылкой на случай из младенчества Моисея, великого мага евреев. Следующее далее описание состязания магов, относящееся к I веку, напоминает нам, что во 2 Тим. 3:8–9 (Ианний и Иамврий) автор, возможно, имеет в виду какой-то подобный подробный рассказ о Моисее, ходивший среди иудеев как раз в это время.

[56] Холм, должно быть, Гебель-Ахмар, «Красная гора» египтян, у края пустыни к юго-востоку от Гелиополя. Свое имя он получил от твердого красного кварцита, из которого сложен, и всегда был важной каменоломней — в древности для ваятелей, ныне лишь для жерновов. В «гностических» магических папирусах он упоминается как «холм Она».

[57] Здесь имеется в виду шакал (*C. aureus*), а не лиса Анубиса (по-видимому, *C. niloticus*), если судить по употреблению этого названия у ранних египтян. «Шакалий язык», видимо, здесь выражение для магии невысокого разбора.

[58] «Южный дождь»: вероятно, имеются в виду дожди Абиссинии или редкие бури, посещающие Верхний Египет.

[59] Или: «Египет, землю, над которой нет высшего, — потерять своего царя».

[60] «Могучий пруд» — одно из названий озера в Файюме, Меридова озера; см. Бругш, *Dict. Géog.* 769.

[61] «Земля Нехес», по-видимому, употреблена как другое название Мероэ, столицы страны. См. также стк. 32.

[62] «Злой». Гусь-лиса, или египетский гусь (*Chenalopex aegyptiaca*), мог получить этот эпитет за свой рыжий цвет, который, несомненно, был не по нраву египтянам. См. *Hieroglyphs*, с. 31.

Такова была повесть, что рассказал Си-Осири перед фараоном, а народ Египта внимал его голосу, и Сатни, отец его, видел все, и голова человека из Эфиопии была склонена к земле. И он сказал: «Жизнью лица твоего, великий мой владыка, этот человек, что стоит перед тобою, — Гор, сын Нубиянки, чьи слова я пересказывал, и он не раскаялся в том, что совершил прежде; ибо он пришел в Египет по истечении тысячи пятисот лет, чтобы бросать в него чары. Жизнью Осириса, великого бога, Владыки Аменти, в чьем царстве я покоюсь, я — Гор, сын Панеше, — этот человек, — я, что стою перед фараоном; и я, будучи (?) в Аменти, узнал, что враг-эфиоп бросит свои чары в Египет, а в Египте в ту пору не будет доброго писца или ученого мужа, способного состязаться с ним. Я молил Осириса в Аменти отпустить меня снова в мир, чтобы не дать ему унести посрамление Египта в землю Нехес. Было повелено перед Осирисом отпустить меня в мир. Я пробудился, я взлетел прямо ввысь (?), чтобы найти Сатни, сына фараона, на *гебеле*[63] Она и *гебеле* Мемфиса. Я вырос той дынной плетью[64], чтобы вернуться в тело снова, чтобы родиться в мир и творить чары против этого врага из Эфиопии, что стоит во дворе».

Гор, сын Панеше, будучи в облике Си-Осири, совершил деяние письменной магии против человека из Эфиопии. Он окружил его огнем, и огонь пожрал его посреди двора, а фараон смотрел на него вместе с вельможами и народом Египта.

(Но) Си-Осири исчез, как тень, из рук фараона и Сатни, отца своего, и они не видели его.

Фараон и его великие люди безмерно дивились тому, что видели во дворе, говоря: «Нет доброго писца и ученого мужа, подобного Гору, сыну Панеше, и не будет ему подобного после него никогда».

Сатни раскрыл уста в великом крике, когда Си-Осири исчез, как тень, и он больше не видел его.

Фараон поднялся со двора, смущенный сердцем из-за того, что видел. Фараон повелел устроить все для Сатни, дать ему приют ради Си-Осири, сына его, чтобы освежить его сердце.

Настал вечер, Сатни пошел в свои покои, и сердце его было печально безмерно. Мехусехт легла рядом с ним, и она зачала от него в ту самую ночь. В свой срок она родила младенца мужского пола, и его нарекли по имени Уси-мент-Гор (?)[65].

И было так, что Сатни не переставал совершать (?) всесожжения и возлияния перед гением[66] Гора, сына Панеше, во всякое время.

Таков конец этой книги, написанной… (пробел).

---

[63] «Гебель», то есть некрополь в пустыне. И в этой повести Хамуас, по-видимому, изображался посещающим кладбища в поисках писаний: ср. первое сказание, iii. 9.

---

[64] «Та дынная плеть»: см. i. 3.

---

[65] С именем Уси-мент-(Гор?) ср. имя великого царя Ὀσυμανδύας у Диодора, i. 47. Классические историки черпали сведения о Египте из народных сказочных повестей и поэтому, в свою очередь, проливают свет на демотические сказания.

---

[66] «Гений», *shay*, — см. примечание к iii. 28. Можно усомниться, согласовался бы с египетскими понятиями, даже более позднего времени, перевод: «приносил жертвы перед Божеством за Гора, сына Панеше». Египетское *ka*, обозначаемое человеческими руками, по-видимому, значит «действующее» жизненное начало, которое одушевляет тело и которым правит душа, или воля, *ba* (*Hieroglyphs*, с. 15). Поскольку демотика заменяет вышедшее из употребления слово *ka* словом для «назначающего», «судьбы», *shay*, представление о нем, вероятно, в какой-то мере

изменилось и включило, быть может, все бессмертное в человеке. Но связь между *ka*, «жизненным началом», «силой», и *sha*, «судьбой», могла быть тесной уже в глубокой древности.